

Андрей Гросс

**ПРИНЦЕССА
С ОШЕЙНИКОМ**

Андрей Гросс

Принцесса с ошейником

<https://litres.ru/74262487>

Аннотация

Она — принцесса, которую растили для брака с чудовищем. Её тело было нетронутым, а дух — сломлен дворцовыми интригами. Единственный шанс на свободу — бежать через магический портал в другой мир. Но Новый Нью-Йорк оказывается не менее жесток, чем родное королевство.

Здесь нет места титулам. Здесь есть только Корпорации и их правила. Чтобы выжить, Сабина должна стать чьей-то собственностью. Она должна стать его ручной принцессой.

Максим — охотник из её мира. Он получил приказ вернуть беглянку, но вместо этого решает сломать её. Он надевает на неё ошейник, вставляет хвост и наказывает при всех, стирая грань между болью и наслаждением. Она мечтала о свободе, но обрела господина. И теперь её единственное право — это право принадлежать ему.

Внимание: Книга содержит сцены БДСМ, публичную порку, ошейник и сексуальные практики, которые могут не понравиться чувствительным читателям.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	46
Глава 3	72
Глава 4	98
Глава 5	115
глава 6	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Глава 1

Пролог

— Иди сюда, принцесса.

Толстый палец согнулся, и красивая молодая женщина поползла к говорившему, покачивая бёдрами, её тяжёлые груди свисали, пока она двигалась на руках и коленях, алые губы приоткрывались в ожидании того, что должно было случиться.

— Хорошая девочка, — похвалил он. — Очень хорошо.

Он посмотрел на неё и задумался о том, какой она когда-то была гордой, такой утончённой, такой истинно королевской. Теперь между ней и любой другой послушной служанкой не было заметной разницы. Если уж на то пошло, её благородные черты придавали ей особенно восхитительную покорность, которая ещё больше возбуждала её хозяина.

Лишённая всех атрибутов своего положения, её обнажённое тело всё ещё несло на себе все признаки хорошей породы. Она была нежной и в то же время сексуальной, каждая её часть была идеально привлекательна для его взгляда: от мягкого изгиба бёдер, ведущих к пышным ягодицам, созданным для многих вещей, которые мужчина может сделать с женщиной, толстые бёдра и стройные икры. Её груди были щедрыми, волосы блестящими, а бледно-голубые глаза выражали столько противоречивых эмоций. Он забрал её гор-

дость и превратил её в нечто, что вызывало жаркий румянец на её коже, согревая щёки лица, декольте и даже самые нежные места, которые когда-то скрывались под мягким золотистым пушком, а теперь не имели ни единого завитка, чтобы укрыть их от его взгляда.

Он стоял над ней, тень его возвышающейся фигуры падала на её сладостное тело. Он был намного крупнее её, даже когда позволял ей стоять, но сейчас было не то время. Теперь его принцесса должна была оставаться на коленях и смотреть на него снизу вверх этими прекрасными голубыми глазами под золотистыми ресницами.

Он был высоким мужчиной, почти двух метров ростом, и его тень ложилась ещё длиннее и внушительнее из-за света от окон в пол, за которыми виднелся старый Манхэттен — то, что когда-то было высокими зданиями, теперь полностью затмевалось гораздо более грандиозными сооружениями, такими как то, в котором он стоял, а она стояла на коленях.

Там, где её держали обнажённой, он был одет в доспехи, напоминавшие прошлое, но созданные из материалов будущего. Его длинные, сильные ноги были покрыты пластинами из твёрдого, но лёгкого материала, его мужское достоинство напрягало гульфик. Он был таким же тёмным, как она светлой, таким же сильным, как она была уязвимой. На её теле не было ни единого следа, но под его бронёй были шрамы от битв, которые никогда не исчезнут. Он сражался за всё, что у него было, включая свою питомицу, и, глядя на её мяг-

кое тело, он чувствовал странную смесь гордости, желания и потребности снова наказать её. Как бы далеко он ни продвинулся со своей принцессой в ошейнике, ей всегда, казалось, нужен был ещё один урок покорности.

Скуление, которое было на её губах вначале, стихло, когда она насыщала свой взгляд им, её глаза скользили от его лица к промежности. Она была жадной маленькой и милым созданием, обученной, девушкой, которая наконец знала своё место в мире, хотя то место, где они сейчас стояли, было далеко не дворцом, где она родилась. Что такое тронные залы по сравнению с ногами её господина? Что такое корона по сравнению с ошейником?

Она издала мягкий звук и прижалась лицом к его ноге, потёрлась о него, как маленький зверёк.

Какой гордой она когда-то была, как совершенно неприимчивой к любому виду послушания, не говоря уже о покорности. Даже сейчас её задница была красной от следов его ремня. Нет... не его ремня... её ремня, толстого кожаного кнута, который он приберёт исключительно для её задницы.

— Покажи себя, питомица. — Его длинный палец покрутился над её головой, показывая, в какую сторону ей повернуться. По часовой стрелке. Даже мелочи имели значение.

Она повернулась слишком поспешно, игнорируя знак, и, когда её задница оказалась в поле зрения, он отвесил ей суровый шлепок по левой ягодице.

— В другую сторону, питомица.

Её всхлип и хныканье о пощаде имели бы для него больше веса, если бы он не знал, что она такая же расчётливая, как и он. Каждое её неповиновение было намеренным. Даже сейчас, когда он схватил её за ошейник и заставил снова посмотреть на него, он увидел маленькую вспышку озорства в её глазах и не до конца сдержанную усмешку на её губах. Она была умна как хлыст и склонна пользоваться каждой маленькой лазейкой, которую он ей давал. Он не мог позволить маленькому проступку просто так уйти. Это разочаровало бы её. Она могла бы начать верить, что он, возможно, не настоящий её господин. Тот факт, что девушка в цепях вообще способна думать о таком, был свидетельством того, как два десятилетия обращения как с самой высокопоставленной особой в стране могут оставить неизгладимые ментальные следы на психике.

Быть рождённой королевской особой ничуть не помогло его питомице, как считал Максим. Каждую крупницу послушания приходилось вырывать у неё с помощью жгучей боли на коже и суровых приказов. Ничто не давалось легко. Всё приходилось отбирать. Даже когда он держал её за ошейник и чувствовал, как её пульс танцует под кончиками его пальцев, он ощущал маленькую борьбу, происходящую не столько против него, сколько между враждующими фракциями в её собственном разуме. Всегда было две. Высокомерная, совершенно избалованная сбежавшая принцесса Эре и его питомица, послушная гражданка анклава Сентиллион в Нью-

Нью-Йорке.

НЕДЕЛЕЙ РАНЕЕ

Сидя на своём приёмном троне, принцесса Сабин оперлась головой на руку и старалась не зевать слишком явно, пока богато одетые женщины парадом проходили мимо неё и кружились вокруг, их духи угрожали ошеломить её своим зловонием, приторная сладость такая же фальшивая, как улыбки на их накрашенных лицах.

Она уже начала терять счёт их лицам и именам час назад, но это не остановило их поток, и королевский писарь рядом с ней делал заметки, из-за чего дамы верили, что их мольбы могут принести пользу, хотя она сама, очевидно, почти совсем не слушала.

Где-то в толчее богатых женщин, умоляющих о её расположении, появилась женщина в относительно простой одежде, с заплатками на локтях. Её платье было чистым, но не новым и сделано не из шёлка, а из хлопка. Простая женщина с лицом, тронутым солнцем, более чем вдвое старше Сабин, которая опустилась в реверанс, опустив голову куда-то к ногам Сабин.

— Принцесса Сабин, не хотите ли прийти на чай в два часа? У нас есть лучшая оленья вырезка из Оэф-Спрингс, такая нежная и молодая, что просто тает на языке. И, возможно, мы могли бы обсудить вопрос о землях моего отца?

— Принцесса Сабин не доступна для встреч, — гладко

прервал её писец. — Её график заполнен на следующие полгода. Если вы хотите быть в нём в будущем, вам нужно будет обратиться непосредственно к королевскому хранителю расписания и оплатить необходимые сборы.

— Но я не могу позволить себе сборы за полную аудиенцию. Земли моего отца захвачены генералом Исодором, и...

— Ваше время истекло. Пожалуйста, отойдите в сторону, — прервал писец.

— Но я...

— Ваше время истекло. Пожалуйста, отойдите в сторону. Сегодня нас ждёт много дам.

Лицо женщины вытянулось, и её буквально оттеснили на пором тех, кто шёл за ней, — четырёх дам, с трудом несших... нечто.

— Принцесса Сабин, пожалуйста, мы были бы так горды, если бы вы надели это платье... тысяча монахинь пришила к нему десять тысяч жемчужин и ослепла в процессе...

Платье было самой отвратительной вещью, которую Сабин когда-либо видела, — так покрытое жемчугом, что казалось одним большим сросшимся листом из них и походило на существо с миллионом глаз или, возможно, на какое-то гнездо насекомых, готовое вот-вот извергнуть миллион маленьких ужасов. Она натянуто улыбнулась и жестом велела слуге убрать эту вещь.

Вслед за портнихами приблизилась другая женщина.

— Принцесса Сабин, не замолвите ли за меня словечко

перед лордом Гаттингли? Я слышала, он ищет невесту, а моя дочь уже почти слишком стара для замужества.

— Леди Саттис! Вашей дочери девятнадцать, — соизволила заговорить Сабин. — Что вы имеете в виду, говоря, что она слишком стара для замужества?

По всей приёмной линии прокатился приглушённый вздох. Людей было так много, что вздоху потребовалась почти минута, чтобы достичь самого конца. Это был скандальный момент, поскольку самой Сабин было всего двадцать лет, и она ещё не была замужем, хотя женихов было предостаточно. Считалось позором достичь своего восемнадцатилетия, не имея серьёзного предложения о браке. Большую часть своей жизни Сабин наблюдала, как каждая из её камеристок и фрейлин достигала этого проклятого возраста и их уводили замуж. Если она вообще видела их снова, то они были с большими животами, совершенно преображённые из тех, кем были раньше. Они больше не годились для службы, и им больше не разрешалось находиться в её присутствии.

Она научилась ненавидеть брак с юных лет, потому что он забирал тех, кто заботился о ней, снова и снова, оставляя её одну с новым незнакомцем. Брак в Эре был исключительно скучным и продиктованным долгом, и Сабин знала, что ей не удастся избежать его намного дольше.

Леди Саттис поспешно ушла, пристыженная, и её место заняла другая женщина. Снова и снова они приходили с просьбами большими и малыми, их голоса сливались в один

долгий хор.

Принцесса Сабин. Принцесса Сабин. Принцесса Сабин.

Иногда Сабин начинала ненавидеть своё имя за то, как оно постоянно было на устах многочисленных просителей, окружавших её на каждом шагу в большом дворце — жемчужине города Венер, столице великих королевств Эре.

Принцесса Сабин. Не было спасения от постоянного натиска долга и услуг, которые у неё просили. Хотя ей было всего двадцать лет, её считали самой влиятельной дамой в стране. Это означало выслушивать злобные сплетни, которые проникали из самых сточных канав Венера и распространялись по устам и языкам, пока неизбежно не достигали её, интересовалась она этим или нет. По правде говоря, у неё было мало власти, но это не останавливало дам, которым было запрещено обращаться к королю напрямую, от того, чтобы приходить к ней и осыпать её просьбами и мольбами с утра до заката. Её отец настаивал, чтобы она принимала их, потому что кто же ещё? Знати нужно было место, куда возносить свои молитвы, и этим местом были её стопы.

Принцесса Сабин. Бесполезная, номинальная фигура и ничего больше. С самого рождения было известно, что она никогда не будет править. Женщина не могла сидеть на троне Эре, а она была единственным ребёнком своего отца — следовательно, она была и концом его рода. Её рождение было такой же карой, как и благословением, хотя отец никогда не говорил такого и не позволял говорить об этом прямо в её

присутствии. Но это не мешало шёпоту достигать её ушей.

Принцесса Сабин. Та, кто никогда не будет править, но кто захватила сердца и умы всей Эре. Были барды, которые зарабатывали на жизнь, переходя из деревни в деревню и рассказывая истории о Сабин, а в день её восемнадцатилетия весь мир праздновал и сплетничал о том, кто же может получить её руку в женитьбе.

Когда не было сделано никакого объявления, начался хаос. По всей стране вспыхнули соревнования, проходившие так далеко от дворца, что их исход не мог иметь никакого значения. Дуэли происходили между женихами, у которых не было ни единого шанса под лютый огонь когда-либо жениться на ней, и всё же они сражались и умирали.

Её отец не позволял ей покидать королевский город и вообще не выпускал её из дворянского квартала, который находился прямо под самим дворцом. Лишь несколько сотен дворян когда-либо видели её лично, но это, казалось, только увеличивало её легенду среди миллионов, живших за пределами её маленького королевского мира.

Её считали великой красавицей. Будь она обычной, её положение уже сделало бы её выдающейся. Но природа и страсть отца к бледным северянам, в частности к её матери, наделили её поразительной внешностью — светлыми волосами и бледно-голубыми глазами. По всей стране были портреты женщин, которые совсем не походили на неё, но эти светлые волосы и бледно-голубой взгляд, часто изображае-

мый почти белым и жутким, делали изображение мгновенно узнаваемым.

Сабин была не столько настоящим человеком, сколько легендой. Легендой, к которой нужно было стремиться.

Быть легендой было нелегко, особенно той, которая должна была соответствовать историям, распространяемым в результате завоеваний её отца. Король Савик завоевал всё королевство менее чем за десятилетие, обратив своих врагов в бегство с помощью того, что, как утверждалось, было мощными и совершенно неестественными силами. Говорили, что он мог разговаривать со своими генералами на расстоянии нескольких тысяч миль и что он мог убить врага с другого конца поля боя, не нуждаясь в том, чтобы подходить на расстояние удара мечом, и ни разу не выпустив стрелы.

Как ему удавались эти подвиги, было тщательно охраняемой тайной, известной только королю и его самым приближённым генералам. Шпионы из других королевств пытались проникнуть в ближний круг короля, но их обнаруживали и уничтожали без пощады.

Наконец аудиенции закончились. Последние просители растворились вдаль, унося с собой звуки их бесконечной болтовни, и на мгновение воцарилась тишина, когда Сабин спустилась со своего принцессинового трона и направилась в свои личные покои в сопровождении всего полудюжины человек, следовавших за каждым её шагом.

— Сабин!

Человек, в чьём голосе её имя звучало с какой-либо настоящей нежностью, заставил её повернуть голову. Её отец приближался с широкой улыбкой на лице. Её маленькое облачко фрейлин рассеялось, как мухи, оказавшиеся на пути воробья.

— Отец, — сказала она, позволяя ему привлечь её в свои объятия и тепло обнять. Хотя её отец правил своим королевством железной рукой, со своей единственной дочерью он обращался в шёлковых перчатках.

— Моя роза, — пророкотал он. — У меня для тебя хорошие новости.

— Новости, отец?

— Пойдём со мной, — сказал он. — Я расскажу тебе это в некотором уединении, чтобы ты услышала это первой.

Тяжёлое чувство поселилось в её желудке. Существовал только один вид новостей, который мог быть передан таким образом, и она не горела желанием их слышать. Однако выбора не было; отец уже увлекал её по коридорам замка, направляясь к верхним покоям в самом центре. Она слышала его тяжёлое дыхание, когда он поднимался по ступеням, и её беспокойство о себе сменилось заботой о нём. Он уже не был молод. Его волосы были серебристо-серыми, а лицо сильно изборождено морщинами. Хотя он всё ещё носил королевские доспехи, они начинали сидеть на нём всё менее и менее удобно, и она знала, что однажды они перейдут от него к...

— Я собираюсь показать тебе кое-что, Сабин, — запых-

тел он, стоя наверху лестничной площадки. — То, что тебе никогда не разрешалось видеть раньше, то, что ты, вероятно, больше никогда не увидишь. Я хочу, чтобы ты знала о его присутствии и местонахождении, потому что скоро ты станешь королевой, а королева должна знать свой замок так же хорошо, как король.

Её сердце упало ещё больше. Это был он. День, которого она боялась годами. Это был день, когда ей скажут, за кого ей выходить замуж. Выбора не будет. Сама концепция позволения женщине выбирать мужа была скандальной в Эре. В некоторых более отдалённых королевствах существовал такой обычай, но они были хорошо известны как варварские и отсталые.

— Кто это, отец?

— Я должен показать тебе кое-что, чтобы ты поняла, — сказал он, беря её за руку и ведя через дверь в небольшой лабиринт стен, предназначенный для хранения величайшей тайны замка. — Ты знаешь, конечно, что мы одержали много побед за последние годы. Ты знаешь, что наши земли простираются по всему земному шару Эре. Ты знаешь, что теперь я меньше король, чем император.

— Да, отец, — согласилась Сабин.

— Я собираюсь показать тебе, как стали возможны все эти подвиги, — сказал он, сворачивая за последний угол.

Сабин поднесла руки к глазам, чтобы прикрыть их, когда яркое свечение неожиданно ударило по ним.

— Твои глаза скоро привыкнут, — сказал он. — И тогда ты увидишь секрет нашего успеха.

Потребовалось некоторое время, но вскоре Сабин смогла увидеть две высокие колонны с клубящейся светящейся массой яркого воздуха между ними.

— Что это, отец?

— Это мировые врата, — сказал он с заметной гордостью. — Лишь немногие когда-либо ступят в эту комнату. Они открываются силой, известной нам как электричество — могущественной магией, которую оставили нам иностранные маги. Это секрет, лежащий в самом сердце нашего королевства. Эти врата — источник нашей силы. Через это место мы можем получить доступ к месту, известному как Другой мир. Тот, кто контролирует эти врата, контролирует саму Эре. Их нужно охранять любой ценой, и их должен защищать тот, кто достоин и способен на это. Я слабею, Сабин. Моё время подходит к концу...

— Нет, отец, ты ещё...

— Тсс, дитя, — сказал он. — Таков порядок мира. Когда я угасаю, кто-то другой должен занять моё место. Он должен быть сильным. Он должен быть безжалостным. Он должен понимать эту силу и знать, как ею владеть. Есть только один человек, которому я доверяю мировые врата: генерал Исодор. Когда меня не станет, он станет их хранителем — и твоим. Ты должна выйти за него замуж, Сабин.

Он говорил так, будто знал, что она будет не в восторге

от этой пары, и он был прав. При одном упоминании этого имени кровь Сабин застыла в жилах. Генерал Исодор был человеком с определенной репутацией. Человеком, которого боялись все, кого он гнал перед собой в реках огня и крови. Это был человек, который возглавлял большую часть расширения королевства, и Сабин где-то в глубине души знала, что он вероятный кандидат, но никогда не могла заставить себя думать об этом прямо.

Она попыталась не выглядеть такой испуганной, какой себя чувствовала, и её голос стал напряжённым и довольно нервным, когда она попыталась спорить с отцом о его решении.

— Но, отец, он жесток со слугами, и ходят слухи, что он сжигает невинные деревни ради простого развлечения.

— Вздор, — ответил её отец. — Исодор — самый сильный и самый безжалостный из моих генералов. Когда меня не станет, он станет королём. Он будет самым могущественным человеком в Эре — и ты будешь рядом с ним, пожиная плоды его трудов.

Она замолчала, зная, что отец не терпит возражений. Он уже вынес больше вопросов, чем большинство отцов. Не женское дело оспаривать свою пару, а он был королём. Кто она такая, чтобы оспаривать его решение выдать её замуж?

— Я знаю, ты не сразу обрадовалась, Сабин, — сказал король хрипло. — Я показываю тебе это, чтобы ты поняла, что такое твоё право по рождению и откуда исходит твоя власть.

Через эти ворота находится мир, не похожий ни на какой другой. Он полон чудес и сил и...

— Мы можем его посетить?

— Нет! Ты никогда не должна пересекать этот барьер, Сабин. Это чудесный мир, но опасный. Это граница, которую мы должны охранять наиболее яростно. Поэтому эти покои всегда окружены солдатами. Если замок когда-нибудь падёт, эта комната предназначена для самоуничтожения, навсегда закрывая ворота. Есть только один человек, который когда-либо проходил через них, один человек, которому я доверяю ходить среди людей магов.

— Чего нам бояться от людей другого мира?

— Мы богатая земля, Сабин. У нас бескрайние земли и богатая почва. У нас текут реки с кристально чистой водой. У нас изобилие природы, зверей и птиц, хищников и жертв. С помощью инструментов из их мира они могли бы захватить наш за несколько дней, если не часов.

— Но твои армии — величайшие в мире.

— Величайшие в этом мире, — сказал он. — Но не в том. Пока нет. А теперь иди, Сабин, и помни, ради какого наследия ты выходишь замуж. Ты должна выйти замуж за того, кто способен охранять эти ворота. Человек не имеет значения. А вот власть имеет. Теперь ты понимаешь?

Сабин посмотрела на светящуюся сферу, стоявшую между каменными колоннами, её свет был тёплым и притягательным. Она почувствовала себя притянутой к ней. Она по-

чти протянула руку и коснулась её, но отец схватил её за руку и оттащил.

— Ты не должна приближаться к ним, — сказал он. — Они затянут тебя, и я потеряю тебя. Я пытался отправить многих через ворота, но только один из десяти человек, кажется, обладает достаточной конституцией, чтобы выжить пройдя через эти ворота. Поверь мне, когда я говорю, что это самое опасное во всей Эре, и теперь, когда ты знаешь, что это такое, ты не должна больше смотреть на них.

— Да, отец, — быстро согласилась Сабин.

Отец проводил её из маленького лабиринта, и Сабин внимательно следила за каждым поворотом. В её голове уже формировалась идея, возможность новых вещей.

Когда они вышли из самой дальней комнаты, отца позвали по какому-то королевскому делу, и её оставили возвращаться в свои покои одну. Путь был недолгим, но не лишённым опасности. Она шла опустив голову, глубоко задумавшись. Были обязанности, к которым она была рождена, и теперь — возможность мира за их пределами.

— Принцесса Сабин.

Ей хотелось притвориться, что она не слышала голоса позади себя, но хриплые нотки разносились, и она была слишком далеко от ближайшей двери, чтобы просто ускользнуть. Она повернулась и натянула на лицо принуждённую улыбку, когда её будущий муж приближался сзади.

Генерал Исодор был изуродован в результате инцидента,

который, как он утверждал, произошёл в бою, но слухи говорили, что это случилось, когда он убивал пленных. Один из них освободился и предпринял отчаянную попытку спастись, вылив на Исодора расплавленное масло. Почему расплавленное масло оказалось так близко под рукой, Сабин предпочитала не думать.

Если этот человек когда-либо и был красив, то сейчас уже нет. Волосы вообще не росли на участке над правой бровью, а плоть на той стороне лица была похожа на оплывающую свечу. Сабин стоило больших усилий не отшатнуться физически. Она сохраняла королевский декорум, пока он приближался, его одежды были безвкусно украшены золотыми цепями и медальонами. Исодор любил выставлять напоказ своё богатство и свой ранг. У него не было чувства меры, и она видела усмешки на лицах тех, кто был рядом с ним, когда он не смотрел в их сторону своим единственным здоровым глазом.

Она уже знала, что её отец совершает ошибку, выбирая Исодора своим преемником. Её отец видел только силу и результаты. Но король не может править по-настоящему в одиночку. Он должен иметь верность своих генералов и дворянства. Исодор не мог командовать верностью. Он мог только внушать страх.

— Тебе уже сообщили, я полагаю.

— Да, генерал Исодор. — Она сделала реверанс.

— Ты родишь мне много сыновей, — сказал он, положив

свою большую руку ей на живот. — Я живу в предвкушении нашей брачной ночи. Я услышу, как ты кричишь тогда, принцесса.

Сабин содрогнулась от отвращения. Она не могла представить, каково это — оказаться в ловушке под его мерзкой тяжеловесной плотью, быть оплодотворённой его тёмным отродьем.

— Смотри, как ты дрожишь, — рассмеялся он. — Надеюсь, ты успокоишь свои нервы до того, как мы поженимся. У меня мало терпения к слабости от кого бы то ни было, включая мою невесту.

Сабин пролепетала что-то, что не было совсем словом, что-то среднее между извинением и мольбой о прощении.

Он насладился выражением чистого ужаса на её лице, затем повернулся и ушёл, посмеиваясь про себя. Он не предпринял никаких попыток к романтике. В этом не было нужды, размышляла Сабин. Она была обещана ему самим королём. Она могла бы быть лошадью или золотой цепью, каким-то предметом для его использования. Она удивилась, что он вообще удосужился потратить на неё три предложения.

Его упоминание о брачной ночи вызвало в ней истинный страх. У неё было некоторое представление о том, что происходит в такую ночь, о том, куда погружается мужской орган. Но Сабин немного исследовала своё тело и всё ещё не понимала, как такое возможно.

Теперь она знала одно более определённо, чем когда-либо знала что-либо. Она не выйдет за этого человека замуж. Неважно, если бы все граждане Эре приказали ей это единым голосом. И, как оказалось, ей не нужно было этого делать. Её собственный отец только что показал ей верный способ избежать этого брака — побег в далёкий мир.

Сабин не теряла ни минуты на раздумья или обдумывания. Не о чем было думать. Она дождалась смены караула у внешних ворот и проскользнула обратно в комнату, где находились врата. Мужчины на посту стали самоуверенными, в основном потому, что даже не знали, что они охраняют. Они знали, что за дверью находится великое сокровище, но не знали его природы.

Петляя по запомненным несколько минут назад поворотам, Сабин приблизилась к вратам с возбуждённым трепетом. Они светились ещё ярче, она могла поклясться, гудели и почти вибрировали так, что, казалось, притягивали её. Двадцать лет она была заточена в замке и на его территории, пленница своего королевского статуса. Всё это должно было измениться.

Она шагнула вперёд — в неизвестность.

На мгновение она ослепла. Наступили жар, свет и ощущение ужасного онемения, а затем её зрение прояснилось, и она оказалась в маленькой комнате, лицом к окну. За окном был мир, которого она никогда не видела, мир, который она не могла дожидаться, чтобы исследовать. Вредные последствия

врат, казалось, были преувеличены, или, возможно, её королевская кровь защитила её. Какой бы ни была причина, она чувствовала себя полной энергии и возбуждения и ничуть не больной.

Она знала, что не может оставаться там, где была. Врата, всё ещё открытые позади неё, будут полезны, если она когда-нибудь решит вернуться домой, но сейчас всё, на что онигодились, — это чтобы её поймали. Не было сомнений, что кто-то придёт её искать. Ей никогда не позволят выбирать свой собственный путь. Никогда. Она должна была убраться от них как можно дальше и как можно быстрее и затеряться в этой новой земле.

— Не надо было ей ничего говорить, — проворчал король Савик, расхаживая по своей личной комнате в сильном волнении. — Надо было выдать её за Исодора, как только она достигла совершеннолетия. Надо было запереть её в её покоях. Надо было...

Не надо было показывать Сабин врата. Это было последней ошибкой в длинной череде ошибок, которые все вместе избаловали принцессу. Король Савик обожал свою дочь и дал ей столько свободы и образования, сколько было возможно на протяжении её жизни. В то время как другие принцессы никогда не покидали своих башен, он позволил ей свободно бродить по замку и даже разрешал поездки в город раз или два в год. Он думал, что поступает по-доброму, но на самом деле он лишь вырастил своенравную, упрямую девку

вместо должным образом послушной принцессы. Знать пыталась предупредить его, но он проигнорировал их советы, и это дорого ему обошлось.

— Женщин нужно держать в узде, — прорычал он себе под нос. — Приковывать цепями, если необходимо. Ни одной женщине нельзя доверять. Ни одной женщине не следует доверять.

Сабин должна была выйти замуж за Исодора в конце месяца на церемонии, такой грандиозной, что вся Эре будет говорить о ней ещё поколениями. Её исчезновение было проблемой, но он намеревался её решить. Пока что её отсутствие оставалось тайной. Исодор был сильным генералом, но нетерпеливым человеком, и если он заподозрит, что его могут лишить невесты, Савик мог предвидеть, как тот примет крайние меры, чтобы вернуть её. Этого король не мог рисковать.

Несмотря на его волнение, далеко не всё было потеряно. Её отсутствие быстро заметили. Сабин не знала этого, но она никогда надолго не оставалась вне поля зрения королевских шпионов, и когда она снова исчезла в запретной комнате, один из них почти немедленно доложил королю.

Он перестал расхаживать и закашлялся, так как у него перехватило дыхание. Эта девчонка сведёт его в могилу. Отцовство сказалось на Савике неожиданным образом. Мать Сабин умерла при родах, но среди трагедии Сабин стала радостью мира. Такая яркая и блестящая, она была особенной

с самого начала. Все это знали. Она стала иконой с первых дней своей жизни, символом надежды и красоты. Он надеялся, что, отдав её руку Исодору, он навсегда закрепит линию силы на троне Эре.

— Ваше Величество. Лорд Максим здесь, — объявил слуга.

— Немедленно впустите его!

Человек, шагнувший в покои короля, нёс с собой атмосферу неопишуемой чуждости. Эрские дворяне носили шёлк, атлас и кожу в разных комбинациях, но материал, из которого была сделана одежда этого человека, нельзя было найти нигде в мире. Он имел сверхъестественный блеск и был скроен с угловатым совершенством, превращая его тело в бесчисленные мужские грани. Он носил сапоги до колен, также искусно сделанные с агрессивным вниманием к деталям.

Если бы внимание короля не было так сосредоточено на его пропавшей дочери, то да же он мог бы уделить минутку, чтобы восхититься нарядом. Но сейчас ему было всё равно, явился бы этот человек к нему полностью обнажённым. В тот момент всё, что имело значение, — это вернуть Сабин.

— Лорд Максим, — сказал он. — Одно серьёзное дело требует твоего внимания.

Максим был выбран на свою роль лично Савиком много лет назад. Он прошёл путь в королевской гвардии, но проявил независимые способности, которые делали его более

или менее потраченным впустую в обычных битвах. Если бы он остался в Эре, он стал бы генералом, равным или, возможно, даже превосходящим Исодора, но для него была предназначена более великая цель.

Савик пытался поддерживать большое количество границ уже сейчас — одна из них с миром, намного опережающим их собственный по времени. Некоторые из его советников верили, что Другой мир — это их собственный мир спустя несколько тысячелетий. Другие считали, что это какое-то чужое место, которое просто случайно содержит людей, подобных им самим. Это не имело большого значения, потому что это был источник бесконечных богатств и власти.

Он должен был быть осторожен, перекачивая силу из Другого мира. Если бы армии из того места пришли в его мир, он знал, что быстро оказался бы в их милости так же, как другие короли оказались в его. Сохранение тайны его мира было первостепенным — и всё же в новом мире необходимо было поддерживать присутствие, чтобы охранять врата. Максим безупречно выполнял эту задачу в течение десяти лет.

Эта роль не была лишена опасности. В отличие от Эре, мир по ту сторону был странной средой, наполненной хаосом. Требовался особый склад характера, чтобы существовать там. Сила, стойкость, гибкость и, прежде всего, храбрость. Максим был сам по себе на другой стороне врат. Это было бремя, которое он, казалось, нёс легко. За свои годы в другом мире он отличился как выдающийся страж. Он снова

и снова спасал и тот мир, и Эре — и теперь Савик нуждался в том, чтобы он спас нечто ещё более лично драгоценное, чем то или другое.

— Мой повелитель, — сказал Максим, его верхняя часть тела легко и грациозно опустилась в поклоне. — Я к вашим услугам.

— Моя дочь, Сабин, пропала, — сказал Савик, не теряя времени на предисловия. — У меня есть основания полагать, что она отправилась в другой мир. Мне нужно, чтобы ты вернул её.

Максим кратко кивнул, его выражение лица было совершенно невозмутимым — хотя, если бы кто-то внимательно посмотрел в его глаза, беспокойство было бы вполне заметно.

— Конечно, сир. Я сделаю это немедленно.

— Ступай со всей возможной поспешностью, — отпустил его Савик.

Аудиенция у короля была краткой, но необходимой.

Во второй раз за день Максим шагнул сквозь мировые врата, высматривая принцессу, хотя знал, что её вряд ли можно найти в квартире. Если бы её время было хоть немного другим, она, вероятно, врезалась бы прямо в него. Но так получилось, что она сумела войти именно в тот день, когда он отсутствовал. Только когда он вернулся в квартиру и нашёл послание, которое было брошено сквозь врата, он по-

нял, что необходимо вернуться в Эре.

Врата гудели и потрескивали позади него, заставляя его хмуриться. Небольшие сообщения можно было передавать через врата без проблем, но прохождение людей вызывало опасный скачок уровня энергии. Врата старели и становились нестабильными, но король отказывался разрешить их обслуживание. Король боялся, что если кто-то прикоснётся к ним, они могут сломаться полностью — обоснованный страх, учитывая неестественную природу врат. Насколько Максим узнал со временем, врата были временной аномалией, которая стала стабильной из-за какого-то странного каприза природы. Это не означало, что они останутся стабильными вечно — и это не означало, что они всегда будут безопасны.

Он оглядел квартиру и нашёл её такой же пустой. Нетрудно было прийти к выводу, что она, должно быть, ушла в город. Двигаясь быстро, Максим вышел из квартиры и спустился по лестнице. Лифт был бы быстрее, но он был совершенно уверен, что она не поняла бы, как им пользоваться. Он пытался как можно точнее следовать её шагам на случай, если она где-то застряла по пути.

В вестибюле её не было, но он проверил у охранника, спрятанного в углу.

— Здравствуйте, мистер Монтерей, — сказал охранник с тёплой улыбкой.

— Привет, Тео. У меня в квартире была гостья. Молодая женщина, блондинка, такая где-то метр шестьдесят ростом. Ты её не видел?

— Да, сэр, она ушла не так давно, — ухмыльнулся Тео.

— Ты не видел, в какую сторону она пошла? Она не при-
выкла к городу и может быть оставила свой телефон. — Мак-
сим фыркнул. — Она бы забыла свою голову, если бы она не
была прикручена.

Охранник рассмеялся его шутке и просмотрел кадры с ка-
мер видеонаблюдения. Во всём здании были камеры, вклю-
чая внешние, так что, конечно, изображение Сабин было за-
снято.

— Похоже, она направилась к Таймс-сквер, сэр.

— Спасибо. — Максим постучал по стойке. — Ценю твою
службу.

Ему потребовалось время, чтобы выработать акцент, ко-
торый позволил бы ему слиться с толпой, но теперь его было
почти не отличить от общего плавильного котла тонких ак-
центов, составлявших вокальную картину этого города.

Он направился к Таймс-сквер, внутренне ругаясь. Его
лучшей надеждой было то, что она будет парализована стра-
хом где-нибудь рядом с квартирой в которой находится вы-
ход их портала. Нью-Йорк был домом для миллионов. Прин-
цесса могла очень быстро затеряться среди кишящего люда.

Максим шёл так быстро, как только мог, сдерживая себя,
чтобы не перейти на бег. Это было бы подозрительно. Следуя

по пути наименьшего сопротивления через толпы людей, он надеялся, что идёт по её следу. Не прошло и десяти минут, как его инстинкты доказали, что они по-прежнему остры как никогда.

Принцесса стояла на углу. Она даже не потрудилась переодеться из своей дворцовой одежды. Сказать, что она была заметна благодаря драгоценностям на миллион долларов, свисавшим с неё, — ничего не сказать.

Она привлекла небольшую толпу молодых людей. Забавно, что в месте, где находились десятки людей в различных костюмах, ей удалось собрать толпу. Даже в таком городе, как Нью-Нью-Йорк, люди всё ещё замечали настоящие странности. Человек в меховом костюме едва привлекал взгляд, но прекрасная молодая женщина в платье, слишком прозрачном для приличий, увешанная бриллиантами и изумрудами, была настолько неуместна, что привлекала внимание любого.

Он пробился сквозь толпу и встал перед ней.

— Здравствуй, Сабин, — сказал он. — Меня зовут Максим. Я друг твоего отца. Он попросил меня прийти поискать тебя и напомнить, что пора домой.

О, черт! Она была прекрасна. Женщины Эре обладали некоей утончённостью, которая была довольно очаровательна, и Сабин была прекрасным примером их красоты. Её глаза были большими и голубыми, с подчёркнутыми тёмными ресницами, которые вились от природы. Её лицо было круг-

лым и мягким, кожа без изъянов и сияющая. Её губы цвета малиново-розового были сложены в сладкую улыбку, а волосы падали мерцающим занавесом почти до талии. Она выглядела как принцесса до кончиков пальцев.

Он наполовину ожидал, что она побежит или, по крайней мере, будет выглядеть несколько пристыженной, будучи пойманной с поличным при побеге из Эре, но вместо этого она посмотрела на него так, будто он был букашкой, её верхняя губа скривилась от презрения, когда её бледный взгляд безмолвно осудил его.

— Я тебя не знаю, — сказала она, её сладкозвучные нотки были окрашены мятежом.

— Ну, а я тебя знаю, — сказал он. — Тебе нужно идти со мной. Сейчас же.

Один из её новых друзей подал голос:

— Оставь её, чувак. Она говорит, что не знает тебя.

— Сабин... — прорычал он её имя.

Она неподчинилась.

— Я тебя не знаю, — повторила она. — Оставь меня в покое.

Максим обдумывал свои варианты. Он не сможет забрать её сейчас, не устроив сцену, и уже как минимум три дрона наблюдения панорамировали окрестности. Если вызовут полицию, будут реальные проблемы. У него были надлежащие документы, а у неё — нет. А если они сделают сканирование радужной оболочки и выяснят, что её нет в системе инфор-

мации... это будет совсем нехорошо.

— Сабин...

— Кончай, чувак!

Маленькая толпа начала кипеть от возбуждения. Максим зарычал про себя и бросил суровый взгляд на избалованную принцессу. Она заслуживала того, чтобы её перегнули через колено и отшлёпали прямо здесь и сейчас, но это привлекло бы внимание, а это было последним, чем он мог рисковать. Она понятия не имела, в какой большой опасности находится и какое количество наблюдения ведётся в любой момент. У молодых людей, собравшихся вокруг неё, были хищные, отчаянные взгляды в глазах. Она была им не столько важна, сколько её беспечная демонстрация богатства.

Не имея выбора в данный момент, кроме как подчиниться, он отошёл немного подальше, достаточно далеко, чтобы больше не находиться в её поле зрения. Она почти мгновенно забыла о нём и вернулась к разговору, который вела. Максим не был до конца уверен, что происходит между ней и толпой. Казалось, они что-то снимали с неё. Но если её грабят, то это было самое дружелюбное ограбление, которое он когда-либо видел.

Он наблюдал, как она начала обменивать свои драгоценности на их одежду.

— Не может быть, чтобы это дерьмо было настоящим, — сказал один из парней.

— Настоящее. У меня много такого, — сказала она. — Можешь взять это — я поменяюсь с тобой.

— Поменяешься на что?

— На твою куртку.

Максим стиснул зубы. У него на глазах принцесса Эре переодевалась прямо на улице, натягивая под платье тесные джинсы, а затем снимала платье, чтобы отдать одной из девушек. Её верхняя часть тела была полностью обнажена мгновение, прежде чем она натянула грязную футболку через голову, очевидно, в восторге от одежды. Раздалось одобрительное улюлюканье, когда её грудь предстала на всеобщее обозрение.

Он простонал про себя. У неё не было ни малейшего понимания того, что уместно, а что нет, смущённая улыбка и лёгкий румянец на щеках указывали на то, что она удивлена их реакцией. Удивлена, но не особенно пристыжена.

Он потёр ладони. Они чесались опуститься на щедрую задницу маленькой королевской соплячки, которая подвергала их обоих риску своей выходкой. Он всё ещё был потрясён её наглым отказом признать его. Правда, они не знали друг друга, но она достаточно хорошо знала, кого он представляет, и должна была уважать короля настолько, чтобы сделать так, как ей велели.

Не было возможности схватить её, пока она не останется одна на мгновение. Судя по тому, как её новые друзья всё ещё толпились вокруг неё, это должно было занять некото-

рое время.

Будучи очень недовольным ситуацией и очень хорошо осознавая, в какой потенциальной опасности она находилась, если хотя бы один из её поклонников стал бы агрессивным, Максим держался вне поля зрения, но последовал за ними, когда они начали двигаться, увлекая её за собой прочь с Таймс-сквер.

Сабин была в восторге от того, как развивалось её первое вторжение в другой мир. Она уже собрала небольшой двор из подданных, которые, казалось, были в восторге от блестящих безделушек. Они щебетали друг с другом с таким же ликованием, как крестьяне, получившие свежий чан с жиром для своих горшков. Она многое из того, что они говорили, не понимала. Язык был общим, но многие слова были для неё незнакомы, и большая часть контекста также ускользала от Сабин.

Они шли какое-то время, удаляясь от главной площади и направляясь в более интересные районы, где огни были гораздо тусклее, а на тротуарах толпилось меньше людей. Внезапно они остановились.

— Эй, мы сейчас, э-э, кое-что посмотрим, — сказала девушка, которая оттащила её от дороги. — Подожди здесь. Не двигайся. И не заходи. Это, э-э, только для местных.

— Ладно, — улыбнулась Сабин. Она смотрела, как они зашли в ближайший магазин, и гадала, что там внутри и сколь-

ко времени потребуется ей, чтобы самой стать местной.

Внезапно сильные руки обхватили её за талию и затащили в переулочек. Большая ладонь зажала ей рот, не давая её крику страха быть услышанным. Она отбивалась несколько страшных секунд, прежде чем её развернули, и она обнаружила, что смотрит в сердитый взгляд мужчины, которому ранее велела уйти. Он хорошо сливался с местным населением, но она поняла, кто он, в тот момент, когда он увидел её. Одна из собачонок её отца. Возможно, симпатичная, но всё же слуга.

Он был очень высоким и явно довольно мускулистым. Его тёмные волосы были уложены в размашистую причёску, спадающую больше на правую сторону головы, чем на левую, хотя, когда она посмотрела на него, он откинул их одной рукой, и они образовали своего рода гладкую корону. Его глаза были изумрудными. Его челюсть была довольно выступающей, но это могло быть из-за того, что она была сжата от досады на неё. Немного тёмной щетины отмечало твёрдые плиты его щёк, словно прошёл день или два с тех пор, как он в последний раз брился. Его нос был сильным и длинным, но, очевидно, был сломан по крайней мере один раз, судя по лёгкому искривлению к кончику, и она увидела шрам, почти скрытый, но не совсем, идущий из-под уха вниз по шее. Он выглядел толстым и старым. Значит, один из солдат её отца. Или, нет. Возможно, не солдат. Ни одному простому солдату не позволили бы отправиться в другой мир. В нём чувствовался дух суровой независимости, и, очевидно, он привык к

этому миру.

Она впитывала в себя каждую его чёрточку, одновременно делая вид, что полностью его игнорирует. Красивый и сильный или нет, он не имел права даже пальцем к ней прикоснуться, и всё же обе его большие руки обхватывали её запястья, удерживая на месте. Ей хотелось бы вырвать руки, но, как она ни крутилась, он легко удерживал её.

— Что ты делаешь? Убери от меня руки!

— Ты знаешь, что я делаю, принцесса. Я забираю тебя собой.

— Нет, не забираешь, — сказала она, вызываясь вздёрнув подбородок. — Можешь возвращаться к моему отцу и сказать ему, что я не вернусь. Мне здесь нравится. Люди очень милые. Я им нравлюсь. Я завела друзей.

— Ты не завела друзей. Ты завела пиявок, — сказал он. — Ты отдала им драгоценностей на тысячи кредитов, ты знаешь?

Она скривила лицо и пожала плечами. Его слова ничего для неё не значили.

— Что такое кредит?

Он фыркнул от её невежества.

— Ты ничего не знаешь об этом мире.

— Нет, но я собираюсь узнать. Можешь присоединиться, если хочешь, но я не вернусь в Эре. Здесь так скучно по сравнению с этим местом!

— Ты вернёшься сейчас же, — сказал он, протягивая руку

к её руке. — Пойдём. Не устраивай сцену.

— Я устрою сцену, — пригрозила она. — Если ты попытаешься силой заставить меня вернуться, я буду кричать, пока мои друзья не услышат меня. Они рядом.

— Они продают то, что ты им дала, за капитальные кредиты, — сказал он, как будто это должно было иметь для неё смысл. — Они не вернутся за тобой.

— Конечно, вернутся. Они просто...

— Бросают тебя с их старой одеждой и уносятся с твоими богатствами.

— Нет! Они просто вон там. Пойдём, посмотришь!

Он немного ослабил хватку, и этого Сабин было достаточно. Она вырвалась и побежала в магазин, куда ушли её новые друзья. Когда она вошла внутрь, их след простыл. Магазин был пуст, если не считать мужчины в причудливой чёрной одежде, который посмотрел на неё с усмешкой.

— Что случилось с людьми, которые сюда зашли?

— Ты сообщница, да?

— Что? В чём?

— Стой там. Я вызываю полицию. Твои друзья, возможно, ушли, но ты — нет.

— Что? Полицию? — Она понятия не имела, о чём он говорит, но было совершенно очевидно, что это плохие новости.

— Не убегай. У меня есть доказательства прямо здесь.

Она посмотрела на прилавок и увидела, что там лежат некоторые из её драгоценностей, по-видимому, брошенные.

— Это мои!

— Значит, ты признаёшь это.

Страж вошёл позади неё. Впервые она была действительно рада, что он здесь. Происходило что-то непонятное и пугающее.

— В чём проблема?

— Я займусь вами через минуту, сэр. Извините, но эта молодая леди — часть группы, пытающейся продать украденные драгоценности.

— Почему ты думаешь, что они украдены?

— Эти бриллианты идеальной чистоты, сэр. Они не могут принадлежать тому отребью, что заходило сюда, в этом я уверен.

— Они не принадлежат отребью, нет. Они принадлежат принцессе Сабин. Этой молодой женщине, что стоит перед тобой.

Скептицизм ювелира был оскорбителен.

— Я сомневаюсь, что она принцесса, сэр.

— Ей нравится наряжаться уличной крысой, — сказал эрский воин. — Но уверяю вас, она королевской крови.

— И кто же вы?

— Я её сопровождающий, — сказал мужчина, бросив многозначительный взгляд на Сабин. — К сожалению, принцесса любит исследовать всё самостоятельно. Это приводит

её к неприятностям.

— Что бы вы ни рассказывали, я не отдам их вам, — сказал ювелир, его рука защитно сжалась вокруг камней.

— Оставьте их себе. Это безделушки. Извините за беспокойство. Пойдём, Сабин. У нас мало времени, чтобы его тратить.

Сабин позволила ему взять её за руку и вывести из магазина, поспешно удаляясь от него как можно дальше.

— Ничего себе, он собирался доложить обо мне властям! — Сабин хихикнула. — Меня никогда раньше не докладывали властям. Как весело быть простолюдинкой!

Максим посмотрел вниз на светловолосую принцессу и снова сдержался, чтобы не устроить большую сцену, проучив её заслуживающую того задницу. Она была до невозможности наивна. Более того, она была невежественна. Мир, в котором она оказалась, ничуть не походил на Эре, ни в каком смысле. Это был мир в постоянных флуктуациях и изменениях. Таймс-сквер и прилегающий район полностью принадлежали корпорации «Нил». Ювелир был тёмным мелким независимым торговцем, который, вероятно, никогда не видел добычи, подобной той, что только что досталась ему благодаря этой стайке малолетних правонарушителей.

— Спасибо, что помог мне, — сказала Сабин, наконец проявив небольшую благодарность. — Этот человек был очень груб.

Грубость была меньшей из её проблем, но она была недостаточно осведомлена, чтобы это знать.

— Мы возвращаемся в квартиру. Сейчас же.

— Хорошо, — надула она губы. — Но я не вернусь в Эре.

Максим не стал тратить дыхание на споры с ней. Чем скорее эту белокурую соплячку отправят обратно, откуда она пришла, тем лучше. Он шёл быстро, сжимая её руку и заставляя её практически бежать трусцой рядом с ним. Её ноги были далеко не такими длинными, как его, и она была далеко не в такой хорошей форме. Он слышал, как она слегка пыхтит, пытаясь не отставать, но ничуть не сбавил шага.

За два квартала от квартиры он остановился. В конце квартала, ведущего к его зданию, собралась толпа, глазающая на дым, валивший из окон одного из этажей.

— Там был какой-то взрыв, — говорил кто-то. — Бум!

Максим сжал челюсть. Он знал, что должно было случиться. То, что они с Сабин прошли через ворота один за другим, должно было создать дестабилизирующий резонанс, который только усилился в их отсутствие. Квалифицированный специалист, возможно, смог бы спасти ворота, но в отсутствие такого человека они, вероятно, разрушились сами собой, уничтожив квартиру и этажи выше и ниже. К счастью, все они были пусты и принадлежали Эре.

Уничтожение врат было одним, но прежде чем он смог даже начать обдумывать эту проблему, возникла более насущная. Перед толпой квартал был оцеплен чёрными крейсера-

ми с маркировкой службы безопасности корпорации «Нил» — NSAS. Воздух вокруг его здания был густо наполнен нанодронами — тёмным облаком крошечных независимо управляемых дронов, способных передавать видео и звук операторам за многие мили.

У него упало сердце, когда он понял, что они подошли как раз вовремя для высокоточного развёртывания наблюдения. Подобно рое саранчи, дроны взмыли в воздух, разделились на две части и затем направились в разные стороны. Они будут прочёсывать улицы, проверяя радужную оболочку глаз каждого, отмечая признаки подозрительной активности. Большинство людей на улицах полностью игнорировали их. NSAS был обычным явлением, и облавы проводились регулярно.

— Сюда, — сказал он, крепче сжимая её руку. — Быстро. Сейчас же.

Должно быть, она уловила срочность в его голосе, потому что впервые действительно сделала так, как ей велели. Он устремился вниз по улице быстрым шагом.

— Опустить голову, — сказал он, когда жужжание дронов стало громче. Они были почти над головой. Проклятье.

Он затащил её в здание и по открытой лестничной клетке стащил в подвал. Она взвизгнула в знак протеста, и он зажал ей рот рукой — некогда было говорить, чтобы она замолчала. Он донёс её до дальнего угла, где по какой-то божественной случайности был оборудован маленький кабинет. Он вошёл

в кабинет, закрыл дверь, опустил жалюзи и продолжал держать руку над ртом принцессы.

Бзззззззззз

По крайней мере, один из дронов спустился за ними.

Бзззззззззз

Он кружил по подвалу. Максим не знал, ищет ли он их или просто попал в поток воздуха, созданный их входом, и его затянуло вниз.

Бзззззззззз!

Он услышал, как дрон ударился о деревянную дверь.

Бззззз! Бззззз! Бззззз!

Словно маленький рассерженный шмель, он бросался на дерево. Принцесса больше не ёрзала. Она наконец почувствовала опасность и смотрела на него своими большими-пребольшими голубыми глазами.

Бзззззззззз! Бзззззззззз! Пфффффффф...

Он осторожно открыл дверь. Моторчики крошечного дрона перегорели. Его потеря не будет слишком заметна. Они теряли сотни нанодронов каждый раз, когда выпускали рой. Без сомнения, маленькие группы их лежали раздавленными на тротуаре или хромали, сломанные, после столкновения с машиной. Важно было только оставаться вне зоны видимости их камер.

Максим вытянул ногу и сильно наступил на жужжащего маленького дрона, навсегда прекратив его передачу.

— Что это было? — Её голос был паническим. — Что происходит? Что это были за штуки? Что...

У неё закончились вопросы, и она уставилась на него с растерянным видом.

— Этот мир совсем не похож на Эре. Он опасен способностями, которые ты не можешь даже начать понимать. Способностями, на объяснение которых у меня нет времени. Мы выйдем из этого здания. Ты будешь держать голову опущенной, глаза направленными в тротуар. Важно, чтобы твоё лицо не было замечено, поняла? Тебя нет ни в одной из систем, и это вызовет сигнал тревоги. Я зарегистрирован в этом здании, так что меня тоже будут искать. У нас мало времени.

— Я не понимаю.

— Держи голову опущенной, держи меня за руку и следуй за мной. Не делай ничего больше.

Им нужно было покинуть территорию «Нила» как можно быстрее, добраться до верхнего Манхэттена, где господствовал Сентиллион. Из Сентиллиона в «Нил» не было экстрадиции, и это делало необходимым добраться туда. Это было только вопросом времени, когда они просмотрят кадры с близлежащих дронов и идентифицируют Сабин как аномалию, и тогда никакое убежище в подвале не спасёт их.

Битва между Сентиллионом и «Нилом» произошла в Центральном парке почти сто лет назад. С тех пор земля в значительной степени восстановилась, и путешествия между корпоративными государствами стали возможны, но недоверие

и враждебность всё ещё сохранялись между двумя группами, которые вместе с несколькими меньшими корпорациями десятилетиями спустя продолжали бороться за контроль над Нью-Нью-Йорком.

Максим полагался на этот отказ от коммуникации, чтобы обезопасить Сабин. Им нужно будет покинуть сам город, чтобы хотя бы попытаться открыть новые врата, но в то же время им нужно было немного пространства для манёвра. Ей нужно было преподать один-два строгих урока о том, как себя вести. Он был совершенно недоволен её поведением. По-видимому, никто в королевском доме никогда не делал ей замечаний, и результатом была избалованная маленькая соплячка, которая чуть не дала себя убить.

— Они искали меня? — Её панический вопрос был пронесён в сторону земли, пока он быстро вёл её быстрым шагом. Он не мог рисковать, садясь в один из проезжающих мимо электрокэбов. Они проводили сканирование глаз в соответствии с протоколом, и она не прошла бы проверку. Им нужно было идти пешком, прежде чем периметр поиска расширится.

— Я не знаю, — сказал он. — Если мне нужно угадать, энергетическая сигнатура от врат, которые ты открыла и оставила открытыми, была обнаружена и сейчас расследуется.

— Они знают обо мне?

— Сомневаюсь. На данный момент это просто аномалия.

Но ты сделала возвращение в Эре совершенно невозможным. Эта квартира будет на карантине долгое время. А теперь замолчи. Поговорим позже.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывай подписываться на автора и добавлять книгу в библиотеку! Прода будет выходить каждый день, роман написан полностью!

Глава 2

Сабин начинала задаваться вопросом, не совершила ли она ошибку, попав в этот мир. Здесь было удивительно, но, казалось, это было невероятно опасно. Она находилась между восхищением и страхом, прижимаясь к Максиму и крепко держа его за руку — так крепко, что костяшки её пальцев побелели, а ладонь начала затекать, но она не смела ослабить хватку.

Они прошли довольно долгий путь — не менее получаса, — минуя всевозможные чудеса и странные вещи. Каждый раз, когда она пыталась взглянуть на них, он рычал на неё и велел смотреть вниз. Ей не нравилось, как он с ней разговаривал, словно она была непослушным ребёнком или дрессированной зверушкой. Но она также не хотела, чтобы за ней снова погнался один из тех роев — воспоминание о жужжащих тенях, преследовавших её по пыльным улицам, всё ещё заставляло её внутренности сжиматься от страха.

Вскоре показалась большая мерцающая стеклянная стена — здание, которое, казалось, тянулось через весь город насколько хватало глаз в обе стороны. Оно было исполинским, бесконечным, словно край света упёрся в эту прозрачную преграду. Сквозь неё Сабин различала смутные очертания движущихся людей, но сами стены жили своей собствен-

ной жизнью: они переливались голубым и зелёным, словно внутри них плескался океан.

— Держи голову опущенной, — сказал он, и в его голосе прозвучала сталь. — Пока мы не попадём внутрь.

Она посмотрела на свои пальцы ног — на грязные, стоптанные туфли, которые ещё утром были почти новыми, — и обнаружила, что стена на самом деле была фасадом какого-то здания. Как только они вошли, дневная жара спала. Прохлада окутала их, словно невидимое одеяло, и Сабин с облегчением выдохнула — пот на её щеке начал медленно высыхать.

— Теперь можно поднять голову.

Она подняла взгляд и увидела, что внутри змеилась очередь из людей, разветвлявшаяся к разным узким дверным проёмам. Людей было много, но они двигались бесшумно, покорно, как стая рыб, застывшая в подводном течении. Но не это поразило её больше всего. Стены были завораживающими: они мерцали, словно были сделаны из жидкого света, и там также сновали туда-сюда морские существа. Ярко-оранжевые клоуны, полосатые хирурги, серебристые кильки — они проплывали прямо за стеклом, иногда целыми косяками, и Сабин невольно затаила дыхание.

— Как рыбы живут внутри стены? — прошептала она, чувствуя себя ребёнком, впервые попавшим в цирк.

— Они ненастоящие, — сказал он. — Это просто картины.

— Они выглядят настоящими, — ответила она, делая шаг ближе к стене. Ей хотелось коснуться её, проверить, не обманывают ли её глаза. Максим позволил ей подтащить его и прикоснуться к прохладной гладкой поверхности. Она была твёрдой, как камень, и не было даже намёка на рябь, когда ярко окрашенные рыбы проплывали мимо большими косяками. Пальцы Сабин ощутили лёгкую вибрацию, но не больше.

— Видишь, на них есть бренд Сентиллиона, — указал он, и только тогда она заметила — в уголке каждой рыбы, почти незаметно, была выгравирована крошечная серебряная буква «S» в круге. — Они ненастоящие.

— Зачем? Зачем они это сделали? — Она всё ещё не могла оторвать взгляд от плавного, гипнотического движения.

— Реклама, — сказал он с лёгкой усмешкой, словно её вопрос был наивен до смешного. — Корпорация «Сентиллион» контролирует эту часть города и хочет привлечь новых граждан.

— Новых граждан в город? — переспросила она, не понимая.

— Новых граждан в компанию, — терпеливо объяснил он. — Раньше правительства выдавали паспорта и управляли странами. Теперь, с корпоративным гражданством, один человек может быть гражданином многих территорий. У Сентиллиона есть анклавы по всему миру. Ты можешь родиться в одном, работать в другом, а умереть в третьем — и всё это

под крылом одной корпорации. Пойдём, и старайся не говорить ничего подозрительного.

Он прошёл мимо многочисленных очередей, даже не взглянув на них, и привёл её к маленькому окошку с золотой окантовкой, помеченному как «Эксклюзивный приоритет». Стекло здесь было матовым, с выгравированными символами, которых Сабин не узнала, а воздух вокруг пах сладковатыми духами и озоном.

Очень красивая женщина с лицом, настолько идеально накрашенным, что она выглядела как фарфоровая кукла, широко улыбнулась Максиму. Её губы были накрашены в цвет старой крови, а глаза блестели так, будто их покрыли лаком. Синий луч света скользнул по его лицу — тонкий, как лезвие, — и её улыбка стала ещё шире, словно её голова вот-вот откинется назад от радости.

— Добро пожаловать домой, — сказала она, и голос её был приторно-сладким, как сироп. — Чем я могу вам помочь сегодня, сэр?

— Моей юной спутнице нужно удостоверение личности Сентиллиона, — объяснил он, и его голос звучал спокойно, но с ноткой стальной вежливости. — Она недавно прилетела из Европейской Федерации, и, боюсь, она оставила все свои документы на шаттле.

Сабин почувствовала, как её щёки вспыхнули. Она ничего не оставляла на шаттле — у неё никогда не было никаких документов, о которых он говорил. Но она промолчала, по-

нимая, что любое её слово сейчас может всё разрушить.

Улыбка женщины оставалась застывшей, словно её навсегда пришили к лицу кривыми стежками, даже когда она смотрела на него с немалым скептицизмом. Её глаза сузились на долю секунды — Сабин заметила это лишь потому, что сама научилась читать чужие сомнения.

— Я понимаю, что это дорогостоящее дело, — продолжил он, и в его голосе появилось некое значение, которое Сабин не совсем уловила, но дама у окошка, похоже, поняла. Что-то промелькнуло между ними — взгляд, жест, едва заметный кивок, — и напряжение в её плечах слегка спало.

— Да, сэр, — сказала она, уже более мягко. — К сожалению, новые регистрации без документов могут быть довольно дорогими.

— Я готов оплатить любые расходы, связанные с этим процессом, — ответил он, и в его голосе не было ни тени сомнения.

Она колебалась мгновение, затем кивнула.

— В таком случае, я буду рада помочь, сэр. — Она выскользнула из своего кресла — плавно, словно плыла — обогнула стойку и открыла дверь, которую Сабин раньше не замечала. Та была идеально встроена в стену, без ручки, без щелей. — Проходите, и мы начнём процесс регистрации.

Дама провела их в маленькую комнату с креслом и каким-то устройством перед ним. Сабин совершенно его не узнала: это была полусфера из чёрного стекла, увенчанная

металлической дугой, на которой крепилась прозрачная пластина для подбородка. Комната была стерильно-белой, без окон, с единственной лампой на потолке, которая светила ровным, безжизненным светом. Сабин почувствовала, как её сердце забилося быстрее. Она была очень сбита с толку происходящим, но Максим казался спокойным — его лицо оставалось невозмутимым, как у статуи, — и она доверяла, что он не сделает ничего, что могло бы ей навредить. По крайней мере, она хотела в это верить.

— Садитесь и положите подбородок сюда, — сказала дама, указывая на кресло. Взглянув на Максима, Сабин сделала, как ей велели. Кресло было холодным и жёстким, обтянутым кожей, пахнувшей чем-то химическим. Она устроилась поудобнее, пристроила подбородок на прозрачную пластину — та была прохладной и гладкой — и замерла.

Яркая вспышка света озарила её лицо — настолько ослепительная, что Сабин на миг ослепла, а в глазах затанцевали зелёные пятна. Секунду спустя где-то внутри устройства зажужжал моторчик, и из узкой щели выползла маленькая карточка. Дама взяла её, мельком взглянула и слегка поморщилась.

— Не очень удачный снимок, — пробормотала она, но ничего не исправила.

Сабин успела заметить своё изображение — и ужаснулась. Она выглядела так, будто вот-вот чихнёт: глаза зажмурены, рот приоткрыт, волосы разметались. Она хотела возразить,

но передумала.

— Как её имя? — спросила дама, поворачиваясь к Максиму с карточкой в руке.

— Сабин, — быстро сказала Сабин, опережая его. Ей не нравилось, когда за неё отвечали.

Дама подняла бровь, но промолчала. Она поднесла карточку к другому устройству — настольному сканеру, который тихо пискнул.

— Машина определяет её возраст в двадцать лет. Это правильно? — Женщина посмотрела на Максима, даже не взглянув на Сабин.

— Да, — коротко ответил он.

— Откуда она это знает? — спросила Сабин, чувствуя себя всё более неудобно. Ей казалось, что эти люди говорят о ней так, будто её здесь нет.

Дама и Максим переглянулись. Дама, казалось, была совершенно озадачена невежеством Сабин — её рот приоткрылся, а брови поползли вверх, обнажив гладкий, без единой морщинки лоб.

— Для неё всё это так ново, — сказал Максим со смехом, но Сабин почувствовала в его голосе предостерегающую нотку. — Там, откуда она родом, всё ещё действует национальное правительство, и их технологии очень устарели. Половина её документов была на буквальной бумаге — можешь себе представить? — поэтому они и потерялись.

— Бедняжка, — посочувствовала дама, и в её тоне появи-

лось что-то похожее на искреннюю жалость. — Национальные правительства такие варварские. Они должны быть запрещены повсеместно. Бумага... — она покачала головой, словно это было чем-то неприличным. — Не волнуйтесь. Корпорация «Сентиллион» позаботится о вас.

Озадаченный взгляд Сабин — она не могла скрыть своего замешательства, хотя очень старалась — вызвал у дамы звук сочувствия, когда она повернулась к Максиму. Женщина вздохнула, словно готовилась сообщить неприятную новость.

— Это будет десять тысяч стандартных кредитов или четыре тысячи бета-баксов.

— Вы принимаете капитальные кредиты? — спросил Максим, и Сабин заметила, как его челюсть слегка напряглась.

— Валюта «Нила» здесь не годится, — ответила дама с лёгким сожалением в голосе.

— Я думал, была амнистия, — задумчиво произнёс он, и в его голосе прозвучала едва уловимая нотка раздражения.

— На прошлой неделе, — подтвердила дама с вежливой, но непреклонной улыбкой. — На этой неделе действуют стандартные тарифы.

— Без проблем, — сказал он после короткой паузы. Он скользнул к женщине гладким чёрным пластиковым прямоугольником — карточкой, похожей на ту, что сейчас держала дама, но более тёмной, почти матовой. На ней не было

никаких опознавательных знаков, только едва заметная голограмма, мерцавшая в углу. Она улыбнулась, взяла её с почтительной осторожностью и вставила в кусок пластика, который издавал жужжащие и шипящие звуки — словно живое существо переваривало пищу — прежде чем выплюнуть её обратно.

Машина пискнула, и на маленьком экране вспыхнула зелёная галочка.

— Как приоритетный член, мистер Монтерей, вы имеете право на дополнительный паёк «Бета-Буза». Обратитесь в любой бар в квартале за подробностями. — Дама сделала паузу и перевела взгляд на Сабин, улыбнувшись чуть теплее. — Что касается вас, мисс Монтерей, добро пожаловать в семью Сентиллиона.

Мисс Монтерей? Сабин понятия не имела, что происходит. Она почувствовала, как её желудок сжался от внезапной тревоги. «Мисс Монтерей» означало, что её теперь считают... кем? Его родственницей? Его собственностью? Она не знала, и это незнание пугало её больше всего.

Женщина вручила ей пластиковую карточку, похожую на ту, которой воспользовался Максим, но более светлую — серовато-чёрную, с матовой поверхностью. Сабин взяла её дрожащими пальцами. Одна сторона была чёрной, с буквами Centillion, напечатанными снова и снова дружелюбными серыми буквами — они складывались в бесконечный узор, который гипнотизировал и слегка раздражал. На обратной сто-

роне карточки были её фотография — та самая, неудачная, с зажмуренными глазами, — строка цифр, длинная, как номер какой-то небесной координаты, серия тонких и толстых линий, расположенных рядом друг с другом — штрих-код, поняла она с запоздалым ужасом, — и затем её имя: «Сабин Монтерей».

Она подняла взгляд на Максима, ища в его глазах объяснения, но он уже поворачивался к выходу, положив руку ей на плечо — жест, который должен был казаться заботливым, но на деле ощущался как клетка.

— Пойдём, — сказал он тихо. — Ты теперь одна из них. Не задавай лишних вопросов.

Сабин сжала карточку в кулаке, чувствуя, как острые края впиваются в ладонь. Она не знала, совершила ли ошибку, попав в этот мир. Но теперь у неё даже не было выбора, чтобы уйти.

Сабин Монтерей.

Ей дали его фамилию. Она бросила на него вопросительный взгляд — в её глазах застыли удивление и тревога, — но он едва заметно покачал головой, и она не стала спрашивать сразу. Слова застряли в горле, придавленные тяжёлым предчувствием.

— Спасибо, — сказал он даме, и его голос звучал ровно, будто ничего необычного не произошло.

— Это вам тоже понадобится, сэр, — добавила дама, доставая что-то из-под стойки. Её движения были плавными,

отточенными, как у автомата. Она вытащила серебряную полосу материала толщиной в пару дюймов — мягкую, почти текучую, — с маленьким кольцом-кружком на одном конце. Сабин показалось, что ткань слабо светится изнутри, словно в ней была спрятана крошечная батарейка. Дама вручила её Максиму с улыбкой, показавшейся Сабин заговорщической — уголки губ приподнялись чуть выше, чем того требовала вежливость.

— Она должна носить это в общественных местах постоянно, — сказала дама, понизив голос до доверительного шёпота. — В противном случае её могут забрать как бездомную. Или хуже — как беглую собственность. Вы же не хотите объясняться с патрулём.

— Конечно, — согласился Максим, пряча серебряную ленту во внутренний карман куртки. — Я прослежу, чтобы она это делала.

— Пройдите через следующие ворота и сделайте необходимые заявления. — Дама указала на светящуюся арку в конце зала. — Не забудьте нарушить печать перед входом на территорию. Иначе система не признает переход.

— Теперь, когда ты будешь проходить через различные системы, ты будешь отображаться как личность, — сказал Максим, поворачиваясь к Сабин. В его голосе прозвучало удовлетворение, даже некоторая гордость, словно он только что выиграл сложную партию. — Это важно.

Она молчала, переваривая услышанное, но вопрос жёг ей

губы.

— Но почему она назвала меня мисс Монтерей? — выпалила Сабин, как только они отошли от стойки на достаточное расстояние. — Почему у меня эта карточка с твоей фамилией? Я не давала на это согласия.

Максим остановился, развернулся к ней лицом и посмотрел сверху вниз — его зелёные глаза вдруг стали холодными, как лёд в зимнем лесу.

— Молодые женщины, которые проходят через этот пункт без документов, становятся зарегистрированной собственностью мужчин, которые их привели, — объяснил он, и в его голосе не было ни капли сожаления. — Таков закон. Ты появилась здесь без паспорта, без удостоверения личности, без единого клочка бумаги, который подтверждал бы твоё существование. С точки зрения Сентиллиона, тебя не было. Теперь ты есть. Но ты — моя.

— Значит, по закону я твоя зарегистрированная собственность? — Сабин почувствовала, как холодок страха пробежал по спине. — Что это вообще значит? Что ещё позволяет этот закон?

— Не волнуйся о том, что позволяет закон, — ответил он, и его рука легла ей на плечо — тяжело, собственнически. — Всё, о чём тебе нужно волноваться, — это о том, что позволяю я. Закон на моей стороне, принцесса. И сейчас это единственное, что имеет значение.

Он провёл её в комнату, помеченную как «Частная —

только для приоритетных членов», и закрыл за ними дверь. Замок щёлкнул с тихим, но зловещим звуком. Сабин огляделась. Комната выглядела как спальня — свежееубранная, стерильно-чистая, с большой кроватью в центре, застеленной белоснежным бельём. На прикроватной тумбочке стояла ваза с живыми цветами — единственное яркое пятно в этом безликом пространстве. Она не понимала назначения этой комнаты. Они собирались здесь спать? Или... что-то другое?

— Я думала, мы идём на новую территорию? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Так и есть, — сказал он, снимая пальто и обнажая торс, облачённый в облегающую серебристую ткань. Материал тускло блестел под искусственным светом, подчёркивая каждый мускул на его теле. Он был одет очень странно — не так, как воины Эре, — но не непривлекательно. Наоборот, в нём была какая-то дикая, хищная грация. Она уже могла видеть, насколько он силен и мускулист, создан для битвы, как лучшие воины её родного мира. Может быть, даже сильнее.

— Что ты делаешь? — спросила она, пятясь назад, пока её спина не упёрлась в стену.

Он подошёл к ней быстрыми, бесшумными шагами и начал раздевать её, снимая всю одежду, которую она буквально что надела на Таймс-сквер. Его пальцы были уверенными, безжалостными — он расстегивал пуговицы, стягивал ткань, не обращая внимания на её попытки увернуться. Она заёрзала в его хватке, шокированная тем, насколько вольно

он обращается с её телом, будто она была куклой.

— Ты не можешь так ко мне прикасаться! Я принцесса! — воскликнула она, вкладывая в голос всю свою королевскую гордость, но это прозвучало жалко — она слышала это сама.

— Ты никто и ничто, кроме моей собственности, — ответил он, даже не замедляясь. Его голос был спокоен, почти скучен. — Если тебя просканируют и обнаружат, что ты девственница, нам придётся многое объяснять. Сентиллион — территория только для взрослых. Все граждане старше восемнадцати, и никто из них не является девственником. Ожидается, что владельцы будут... удовлетворять свою собственность. Физически. Регулярно. Так что мне придётся трахнуть тебя, прежде чем мы войдём. — Он поднял на неё глаза — зелёные, спокойные, без тени смущения. — Ничего личного, принцесса.

Ничего личного? Сабин почувствовала, как краска стыда заливает её лицо, шею, грудь. Как секс может быть не личным? Как он может говорить об этом так, будто речь идёт о проверке документов или оплате сбора?

— Ты... ты не можешь серьёзно... — запнулась она, краснея ещё сильнее, когда его зелёные глаза встретились с её с серьёзным намерением. В них не было похоти — только холодный расчёт. — Мы не можем... делать это...

— Мы можем, и мы должны, — сказал он, и его голос стал твёрже. — Нет другой территории, куда можно пойти, благодаря твоему решению броситься через тот портал. Ты ведь

помнишь? Твой героический прыжок? — В его голосе промелькнула насмешка. — Портал не выдержал трёхкратного использования подряд, что означает, что мы застряли здесь. Ты хотела попасть в этот мир — тебе придётся играть по его правилам.

Его сильные руки теперь снимали последние остатки одежды, оставляя её совершенно обнажённой. Она стояла перед ним, дрожа, прикрываясь руками, как могла, но он мягко, но настойчиво отвёл их в стороны.

— Но... я никогда... — Её голос сорвался на шёпот. — Я боюсь...

Она опустила голову — так было легче, не видеть его лица, не встречаться с ним взглядом. Но он не позволил ей спрятаться. Он подложил пальцы под её подбородок и поднял её глаза к своим.

— Не бойся, принцесса, — сказал он, и в его голосе неожиданно промелькнула мягкость. В то же время его другая рука ласкала её тело вдоль и поперёк, находя изгиб её задницы и уделяя ему особое внимание. Его прикосновения были уверенными, но не грубыми — он словно изучал карту местности, которую собирался покорить. — Это всё равно должно было случиться однажды, и это никогда не должно было случиться с женщиной по твоему выбору.

В этом он был прав. Сабин сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает горечь. Не бросься она через портал, её первым мужчиной стал бы генерал Исодор — старый, жестокий,

с холодными глазами и руками, пахнущими кровью. Одна мысль о нём снова заставила её содрогнуться. По крайней мере, этот мужчина был красив, и хотя он огрызался на неё и командовал, от него не исходило зловоние жестокости, которое сопровождало Исодора. В Максиме была сила, но не злоба. И это, как ни странно, немного успокаивало.

Она посмотрела в его зелёный взгляд с растущим любопытством, пока его руки бродили по её телу, лаская каждый участок её кожи. Он явно знал, как прикасаться к женщине. Не было никакой нерешительности в том, как его ладони и пальцы двигались по её плоти, обхватывая её груди, поглаживая её соски подушечками больших пальцев, пока она не издала стон — тихий, произвольный, — и не придвинулась ближе, сама не понимая, что делает.

****Максим****

Максим собирался лишиться девственности принцессу Эре. Его член был напряжён под одеждой с того самого момента, как он начал снимать с королевской принцессы один слой одежды за другим. Он чувствовал, как кровь пульсирует в паху, как тело требует разрядки, но он заставлял себя двигаться медленно, контролируя каждое движение. Она была не просто женщиной — она была трофеем, и с трофеями не обращаются грубо.

Её тело было само по себе произведением искусства: мягкие изгибы, которые тут же откликались на его прикоснове-

ния, бледная кожа, светящаяся в тусклом свете комнаты. Она была девственницей, и её тело было безупречным и нетронутом — ни шрамов, ни родинок, ни единого изъяна. Говорили, что принцесс Эре ежедневно купают и массируют с использованием специальных масел, чтобы их тело было идеальным для будущего короля. Что бы с ней ни делали — будь то естественный свежий румянец или результат тщательной подготовки, — она была самой потрясающей молодой женщиной из всех, кого он когда-либо видел. К тому же она была непослушной девчонкой, и он бы солгал самому себе, если бы не признался, что перспектива хорошенько её оттрахать его заводит.

Скоро он погрузит свой член глубоко между её некогда целомудренных половых губ и найдёт средоточие не только её существа, но и, возможно, ключ к целому миру. Он начал целовать её, завладев её губами по-хозяйски, требовательно, лаская её языком в новом для неё ритме, пока его рука скользила по её ягодицам и проникала между ними, туда, где пушистые половые губы защищали последнее препятствие. На вкус она была как невинность — сладкая, чистая, немного испуганная. Он чувствовал её неуверенность в поцелуе: её язык двигался немного скованно, она не знала, куда деть руки, не понимала, чего от неё ждут.

Он начал медленно обучать её, дразня языком и губами, пока она не ответила на его поцелуй — сначала робко, потом смелее, — а её тело не прижалось к нему ещё теснее. Она не

сопротивлялась, даже чуть-чуть. Он начал ласкать её киску, его длинные пальцы дразнили внешние половые губы, нежно поглаживая её, пока он целовал её. Она была уже влажной — природа взяла своё, несмотря на страх. Он оторвался от её губ и посмотрел на неё, увидел, что её лицо пылает от желания, щёки пунцовые, дыхание прерывистое. Её глаза блестящие от похоти и страсти, смешанных в странном коктейле, а бёдра двигались так, как велит природа — в поисках трения, в поисках его.

Ждать больше не было ни необходимости, ни смысла. Это была измена — измена её королевству, её отцу, её судьбе, — но она должна была произойти.

Максим стянул с себя одежду, не особо заботясь о том, куда она упадёт, лишь бы не мешала. Рубашка полетела на пол, штаны последовали за ней. Он стоял перед ней обнажённым, и его член вздымался, твёрдый и готовый, толстый столб плоти, прижимающийся к животу, с головкой, уже блестящей от предэякулята в предвкушении того, что он возьмёт принцессу.

— О боги! — ахнула она, когда его член оказался у неё перед глазами. Её глаза расширились, рот приоткрылся. Она уставилась на его ствол, явно никогда не видевшая ничего подобного. — Этого не может быть... — Она покачала головой, густо покраснев, и её голос превратился в испуганный шёпот. — Сэр Максим, ничто такого размера не может...

— Вы удивитесь, принцесса, — протянул он, обнимая её

и укладывая на кровать. Она была лёгкой — почти невесомой, — и с ней было легко управляться. Она станет забавной маленькой секс-игрушкой, в этом он не сомневался. По крайней мере, на ближайшее время.

Он развернул её и прижал к себе, расположив её девственную королевскую щёлочку вдоль всего его ствола. Она обхватила его ногами, инстинктивно, бессознательно, а он, держа её за бёдра, двигал её вверх-вниз по всей длине своего члена, используя растущее свидетельство её влажного желания, чтобы смазать его. В этой позе ей было негде спрятаться: её грудь колыхалась перед его глазами, её лицо было в дюйме от его, и хотя она краснела и пыталась отвести взгляд, он настаивал, чтобы она смотрела на него.

— Смотри на меня, принцесса, — напомнил он ей, когда её клитор коснулся головки его члена. Она ахнула, и он прижал её к себе, двигая её бёдрами вперёд-назад, быстро и ритмично, прижимая её клитор к головке члена с каждым движением. Её дыхание сбилось, стоны стали громче. От этого трения всё её тело пылало от желания. Он видел признаки приближающегося оргазма — напряжение в бёдрах, дрожь в ногах, расширенные зрачки, — но она, похоже, сама их не замечала. Её соски затвердели, превратившись в маленькие розовые бусинки, глаза заблестели, стоны достигли пика, и она кончила — восхитительный, долгий оргазм, который, казалось, застал её врасплох.

Её рот раскрылся в беззвучном крике наслаждения, тело

выгнулось дугой, а из лона хлынул поток желания, покрывший его член. Она дрожала в его руках, беспомощная, потерявшая контроль, и это зрелище было таким эротичным, что он едва не кончил сам.

Но он не давал ей остановиться. Он полностью контролировал её тело, заставляя её плоть доставлять ему удовольствие, пока она впервые в жизни испытывала оргазм с мужчиной — и не с одним, а с двумя, потому что второй накатил почти сразу, пока она ещё не отошла от первого.

Пришло время.

Максим притянул её к себе, и она сменила позу: теперь её лоно находилось не над его членом, а прямо перед ним. Он страстно поцеловал её — глубоко, жадно, завладевая её ртом так же, как собирался завладеть её телом, — толкнул на спину, и головка его члена нашла её половые губы и раздвинула их. Он ощутил тёплые объятия её лона, эти оберегающие его губы сомкнулись вокруг его члена, сжались от страха и ожидания. Он смотрел в её большие голубые глаза, в которых ещё теплились последние остатки невинности — прозрачные, как горный ручей, — которую она вот-вот потеряет навсегда.

САБИНА

Её вот-вот трахнут.

Сквозь пелену желания — густую, липкую, застилающую глаза — Сабин удалось вычленить остатки сопротивления. Где-то глубоко внутри теплилась мысль: «Это неправильно.

Остановись». Но тело не слушалось.

— Нам не стоит этого делать... — застонала она, когда его горячий член начал дразнить вход в её тело, снова и снова прижимаясь к её губам, давая понять, что скоро он погрузится глубоко внутрь. Каждое прикосновение посылало искру удовольствия вверх по позвоночнику.

— Тебя трахают, потому что ты была непослушной, принцесса, — напомнил он ей своим глубоким, суровым голосом. Его слова звучали как упрёк, но она не чувствовала себя виноватой. Ни капельки. Она была охвачена желанием, возбуждение было таким сильным, что она и представить себе не могла, что такое возможно. Её тело горело, низ живота пульсировал, между ног было влажно и горячо. Максим удерживал её в таком положении, чтобы её киска была открыта для его члена, и хотя он ещё не погрузил свой твёрдый ствол в неё, она знала, что это неизбежно. Такова была цена, которую ей предстояло заплатить за своё непослушание. За то, что она сбежала. За то, что бросилась в портал. За то, что осмелилась захотеть другой жизни.

Его член преодолел преграду у самых её губ — лёгкое сопротивление, тонкая плёнка, которая держалась двадцать лет, — и погрузился глубже, на несколько дюймов твёрдой эрегированной плоти проникнув в её киску и стерев все следы её девственности. Боль была острой, но короткой — как укол иглы, как разрыв нити. Она почувствовала, как последний осколок невинности разбивается вдребезги, и это ощу-

щение вскоре сменилось чем-то другим: полнотой, наполненностью, странным, почти болезненным удовольствием.

— Мой отец... — прошептала она, не зная, зачем это говорит. Может быть, чтобы напомнить себе, кто она. Может быть, чтобы напомнить ему.

— Лучше бы ты вернулась к нему уже не девственницей, чем вообще не вернулась, — сказал он, погружая член глубже. — Неужели сейчас самое время думать о нём? У тебя теперь новый папочка, принцесса.

От его слов она густо покраснела — до корней волос, до кончиков пальцев, — а её лоно сжалось вокруг его члена с новой силой, непроизвольно, предательски. Боже. Он был таким грубым. Таким жёстким. Таким безжалостным. И он овладел её лоном. Не кто-то из сотен отчаявшихся поклонников, не знатный лорд с выученными комплиментами, а мужчина, которому было плевать, что она принцесса. Который называл вещи своими именами. Который не просил — брал.

Он начал трахать её медленными, но сильными толчками, заставляя её киску принимать каждое новое проникновение. Она тихо постанывала при каждом толчке, чувствуя, как её тело подчиняется ему, как её внутренние стенки трутся о горячую твёрдую кожу его члена, как он расширяет её, растягивает, заполняет.

— Вот что бывает, когда ты непослушная, — тихо про-рычал он ей на ухо, одним длинным движением проникая в

неё до упора. Он замер на секунду — позволил ей привыкнуть, почувствовать его целиком, — а затем вышел, задержавшись головкой члена у входа в её только что лишившуюся девственности киску. — Вот что бывает с непослушными принцессами, которые не слушают предупреждений, — продолжил он, сделав ещё один грубый толчок.

Она ахнула — от смеси боли и удовольствия, от неожиданности, от того, как её тело откликалось на каждое его движение. Но он крепко держал её: одной рукой обхватив за талию и заведя её руку за спину, а другой обхватив затылок и прижав её лицо к себе, чтобы он мог отчитывать её, пока трахал.

— Теперь твоя киска принадлежит мне, — прорычал он, делая ещё один толчок, который, казалось, был глубже всех предыдущих. — Я раздвину твои губы и буду трахать тебя, когда захочу.

Он убрал руку с её поясницы и шлёпнул её по ягодицам с такой силой, что она вскрикнула — скорее от неожиданности, чем от боли. Его член снова вошёл в её лоно и вышел из него одним из этих грубых толчков.

— И ты будешь делать то, что я говорю, принцесса.

Ещё одна пощёчина — обжигающая, чувственная, — и её ягодицы вспыхнули огнём. Ещё один жёсткий толчок — на всю длину, грубо растягивающий её лоно, а затем оставляющий его совершенно пустым, ноющим, требующим возвращения.

Её наказывали, одновременно доставляя удовольствие, и она, оказавшись между этими двумя полюсами — болью и наслаждением, стыдом и страстью, — была в ловушке и совершенно беспомощна, когда Максим перевернулся, накрыл её своим телом и начал трахать ещё жёстче. Он опустил руки к её бёдрам и раздвинул их широко — так широко, что она почувствовала, как растягиваются мышцы, — так что её киска оказалась полностью открыта для него, и он начал вдалбливаться в неё, снова и снова входя в неё мощными, глубокими толчками.

В таком положении её ягодицы были приподняты над кроватью, а бёдра раздвинуты почти до ушей. Его ладонь обжигала её ягодицы и бёдра — шлепки сыпались один за другим, — заставляя её вскрикивать, пока его член снова и снова погружался во влажное лоно между её ног.

Она больше не чувствовала себя принцессой.

Она чувствовала себя шлюхой.

Он использовал её так, как использовали бы любую простую девушку — грубо, жадно, без тени почтения, — и её киска была ничем не лучше и не хуже любой другой тугой дырочки. Она чувствовала себя не просто лишённой девственности — она чувствовала себя свергнутой с трона. Разжалованной. Когда она стонала под его напором — громко, не стыдясь, не сдерживаясь, — от её королевских привилегий не осталось и следа.

— Не волнуйся, — прорычал он, чувствуя, как она сжи-

мается вокруг него. — Я не кончу в твою королевскую киску.

От одной мысли о том, что он кончит в неё, — горячо, глубоко, заполняя её до краёв, — её киска сжалась вокруг его члена, словно доя, высасывая из него жизнь.

— О боги! Сабин! — он выкрикнул её имя — громко, хрипло, как заклинание, — и вышел из неё, оставив её тугую щёлочку пустой, зияющей, пульсирующей.

Она извивалась, пытаясь нащупать его член — её тело требовало завершения, требовало его возвращения, — и через мгновение почувствовала, как его горячее семя брызнуло на её нижние губы, а головка его пульсирующего члена вошла в неё лишь на дюйм. Он залил её киску своим горячим семенем — щедро, обильно, — покрыл её набухшие губы и клитор. Она испугалась, что всё закончилось, но мгновение спустя он снова ввёл покрытый спермой член в её киску и начал тереть её клитор пальцами, втирая горячую, скользкую жидкость в этот нежный бугорок.

Сабин вскрикнула от удовольствия — громко, на грани крика, — её бёдра задвигались сами собой, а киска сжалась до предела, обхватив его всё ещё твёрдый член.

— Не так уж и плохо, правда? — усмехнулся он ей в ухо, пока её киска сжимала его член, а внутренние стенки охватывали его при каждом оргазмическом спазме.

Плохо?

Это было невероятно.

Он заставил её испытать то, о чём она даже не подозре-

вала. Её тело стало чем-то большим, чем она себе представляла, — источником чистого, первобытного удовольствия и экстаза. Она была потрясена тем, что произошло между ними, и подумала, что он, должно быть, чувствует то же самое. Но он просто смотрел на неё — сверху вниз, с лёгкой усмешкой, — пока она лежала на кровати и чувствовала себя так, словно парит в воздухе.

Её тело никогда ещё не было таким расслабленным — каждая мышца обмякла, каждая клетка гудела от удовольствия, — а разум — таким ясным. Она ощущала тепло во всём теле, между бёдер всё ещё ощущались следы его страсти и желания, её нижние губы были нежными и ноющими, но в то же время приятными и дающими удовлетворение.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она поняла, что лежит уже довольно долго, уставившись в потолок, ничего не видя перед собой. Максим гладил её по волосам — медленно, успокаивающе, — и смотрел на неё сверху вниз. Его лицо было спокойным, почти нечитаемым.

— Посмотри на меня, принцесса, — сказал он тихо.

Она повернула голову и встретила с ним взглядом. В его зелёных глазах не было торжества — только лёгкое любопытство и, возможно, тень уважения. Она не знала, что он там видит. Но знала, что она больше не та, кем была час назад.

Она была Сабин Монтерей. И она только что потеряла всё, что у неё было, и приобрела то, о чём даже не догадывалась.

Глава 3

Она подняла на него глаза и увидела, насколько серьёзным был его взгляд — тёмные глаза казались почти чёрными в тусклом свете комнаты, в них не было ни намёка на ту нежность, что она видела всего несколько минут назад. Он, казалось, не наслаждался блаженством их соития, как она. Его челюсть была напряжена, мышцы плеч застыли. Он был серьёзен и напряжён — так, будто только что совершил нечто, о чём уже пожалел.

«Ты попала в мир, полный компромиссов и скудной морали, — сказал он, и его голос звучал ровно, почти безразлично, хотя в складках у рта залегла глубокая тень. — Не жди, что здесь тебе окажут королевские почести. Ты проделала долгий путь, Принцесса, и тебе предстоит пройти ещё дальше. Легко не будет, и я не могу сделать это для тебя лёгким. Единственное, что я могу обещать, — это вернуть тебя в Эре как можно скорее».

Она пожалела, что он сказал эти последние слова. Она пожалела, что он вообще что-либо сказал. После того, что они только что сделали — после того, как он касался её так, как никто и никогда, после того, как она кричала от наслаждения в его руках — зачем было портить всё разговорами об Эре? Почему он не мог просто продолжать ласкать её, водить своими грубыми ладонями по её обнажённой коже, шептать

что-то на ухо тем низким голосом, от которого у неё подкашивались колени? Почему он не мог дарить ей это блаженство вечно?

Он, казалось, не понимал, что её не волнуют никакие трудности, если так можно было описать их соитие. Она бы прошла через что угодно — через голод, холод, унижения, — если бы в конце каждого дня её ждало это. Но перспектива возвращения в Эре — вот что пугало её до дрожи. Возвращение к мраморным залам, к холодным прикосновениям церемоний, к жизни, в которой её тело принадлежало не ей, а короне. Сабин даже не пыталась объяснить это ему. Что толку? Он, очевидно, не понимал и, похоже, не интересовался тем, чего хотела она. Его интерес был чисто физическим, утилитарным — или, возможно, продиктованным долгом. Он мог лишить её девственности и уничтожить последний барьер между ней и её собственной сексуальностью — это было сделано, это было пережито, — но между ними всё ещё стояла стена. Стена из ожиданий и воли, из обязательств и невысказанных желаний. Она хотела сбежать из Эре, а он хотел вернуть её, поэтому, как бы близки они ни были физически — как бы естественно ни сплетались их тела в темноте — в каждом важном смысле, в каждой мысли и надежде, они оставались далеки друг от друга, как два разных мира.

Он оделся — быстро, почти механически, застёгивая ремни и пряжки с привычной лёгкостью человека, который делал это тысячи раз. Он даже не взглянул на неё, пока натяги-

вал сапоги. Затем велел ей ждать. Не спросил, не предложил — просто приказал, и в его голосе не было места для возражений. Она молча подчинилась, опустившись на край кровати и обхватив себя руками за плечи, пытаясь смириться с чувствами, которые он пробудил в ней — такими огромными, такими новыми, что они почти причиняли боль. В пылу страсти она отдалась ему полностью — без оглядки, без страха, без сожалений. А теперь он стремился вернуть её. Вернуть туда, откуда она сбежала. Почему его отвержение было таким немедленным и таким полным? Может быть, она была недостаточно хороша в любовном акте? Может, она сделала что-то не так? Несомненно, мужчина, заполучивший принцессу королевства, — такую, как она, обученную, чистую, желанную — захотел бы оставить её себе. Сабин прекрасно знала, как велика была конкуренция среди мужчин Эре за право сделать то, что только что сделал этот чужак. Были мужчины — могущественные лорды, богатые купцы, прославленные воины, — которые отдали бы конечности, пальцы, годы жизни за возможность просто войти в её покои, не говоря уже о том, чтобы разделить с ней ложе. Как же жестоко, как несправедливо, что в итоге это место занял мужчина, которому она была совершенно безразлична — просто очередное задание, просто принцесса, которую нужно вернуть обратно.

Она сидела на холодной простыне, всё ещё влажной после их близости, и смотрела на закрывшуюся за ним дверь.

Если он не испытывал к ней интереса — если его прикосновения были лишь исполнением долга, а не желания, — то и она не была ему обязана верностью. Она не давала клятв. Никто не спрашивал её согласия. Она сбежит от него при первой же возможности — при первой же секунде, когда он ослабит хватку, отведёт взгляд, задумается о чём-то своём. Она отправится в большой мир, найдёт место, где никто не будет называть её принцессой и не будет решать за неё, как ей жить. Возможно, сбежать будет трудно — он был силен, быстр и, кажется, опытен в обращении с пленниками. Но она начинала верить, что у неё есть талант к уклонению. Она сбежала из Эре, из неприступного дворца с его стражей и магическими барьерами — значит, сможет сбежать откуда угодно. Даже от него.

Когда он вернулся несколько минут спустя — ровно настолько, чтобы она успела представить десяток вариантов побега и отбросить их как непрактичные, — у него была для неё свежая одежда. Серебристая юбка из тонкой, почти невесомой ткани, длиной до середины бедра — такая короткая, что она сразу же почувствовала сквозняк на коже. И облегающий топ того же серебристого оттенка, сшитый из мягкого, эластичного материала, очень похожего на его собственную нижнюю рубашку. Наряд был довольно скучным — откровенным, почти вызывающим, — хотя её это не слишком беспокоило. В конце концов, она привыкла к тому, что её одевают и раздевают по прихоти других. По крайней мере,

ткань была удобной: она не кололась, не натирала, не стесняла движений. К наряду прилагались сапоги из мягкой чёрной кожи, доходящие почти до колена и облегающие икры как вторая кожа. Когда она оделась — натянула топ, застегнула сапоги, одёрнула юбку, которая едва прикрывала ягодичцы, — и взглянула на своё отражение в тёмном стекле шкафа, то поняла, что стала похожа на какую-то безделушку. На украшение. На игрушку. Нижнего белья, конечно, не было — здесь, видимо, не носили ничего подобного, — и под юбкой она всё ещё чувствовала его семя, липкое и тёплое, медленно высыхающее на внутренней стороне бёдер. Это было странное, почти унижительное ощущение — и в то же время почему-то интимное, напоминающее о том, что произошло между ними.

Он окинул её взглядом с головы до ног — медленно, оценивающе, как покупатель, осматривающий товар. Затем одобрительно кивнул, и уголок его губ чуть приподнялся в подобии улыбки. «Ты отлично впишешься, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение. — Ох... нельзя забыть и это».

Он подошёл к небольшому столику у стены, где лежали вещи, которые он принёс, и поднял серебряный обруч — тот самый, который дала ему женщина за прилавком. Сабин не обратила на него внимания тогда — слишком много всего происходило, слишком сильно билось сердце после побега. Но теперь она разглядела его: тонкий, изящный, с едва за-

метной гравировкой, похожей на письма. Металл холодно поблёскивал в свете ламп. Максим подошёл к ней, встал так близко, что она чувствовала жар его тела, и надел обруч ей на шею. Она вздрогнула, когда серебро коснулось её кожи — прохладное, гладкое, неожиданно тяжёлое для своего размера. Он закрепил его сзади: раздался тихий щелчок, и обруч плотно обхватил её шею, не слишком туго, но очень надёжно — так, что его нельзя было сдвинуть ни на миллиметр. Сабин провела пальцами по гладкой поверхности, ощущая подушечками тонкий рельеф гравировки.

«Что это? Какое-то украшение?» — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно, хотя внутри зашевелилась тревога.

«Вроде того, — сказал он с улыбкой, но улыбка не коснулась его глаз. — Я всё объясню позже. А пока не снимай его. Это важно».

Она кивнула, продолжая водить пальцами по металлу. Ей нравилось, как он ощущается — прохладный, надёжный, почти живой, — хотя она не совсем понимала почему. Было довольно странно иметь что-то постоянно вокруг шеи, давящее на горло при каждом повороте головы. Но в некотором смысле это было похоже на то, как если бы он держал её — постоянно, неотступно, даже когда не касался руками. Обруч явно связывал их каким-то важным, возможно, даже магическим образом. Сабин чувствовала это кожей — лёгкую вибрацию, пульсацию, синхронную с биением её сердца.

Максим взял Сабин за руку — его ладонь была горячей и сухой, пальцы сомкнулись вокруг её запястья с той же уверенной твёрдостью, с какой он делал всё остальное, — и она позволила ему вывести себя из этого странного здания из водяного стекла. Стекло было таким прозрачным и чистым, что казалось, будто стены сотканы из застывшего воздуха, и солнечный свет проникал сквозь них, не встречая преграды. А затем они вышли наружу — в слепящий, золотистый поток солнечных лучей, который ударил в глаза после полумрака помещения. Она на мгновение зажмурилась, прикрывая лицо ладонью, пока её зрачки привыкали к новому миру.

Повсюду были люди. Не так много, как толпилось на улицах Таймс-сквер — того шумного, грязного, опасного места, где она впервые ступила на эту землю, — но достаточно, чтобы образовать плотную, живую толпу. Люди шли по широким мостовым, разговаривали, смеялись, останавливались у лотков с едой и безделушками. Местность была гораздо более открытой: широкие бульвары сменялись небольшими площадями, а здания, в отличие от убогих коробок Нила, выглядели намного новее, выше и крупнее. Их фасады сверкали на солнце стеклом и металлом, но многие были увиты зеленью — каскады листьев и ветвей спускались с крыш и балконов, создавая атмосферу безмятежного, почти райского города. Здесь росли настоящие деревья — высокие, раскидистые, с густыми кронами, отбрасывавшими прохладную тень на траву. Трава была яркой, зелёной, мягкой на вид —

не сухая колючая поросль, а ухоженные газоны, по которым можно было ходить босиком. И в воздухе чувствовалось гораздо меньше напряжения: он был наполнен ароматами цветов, свежей выпечки, чистой воды. Люди улыбались, прогуливались не спеша, смеялись — а не толкались локтями, не бежали сломя голову, не огрызались друг на друга, как загнанные звери. Здесь, казалось, царил покой.

«Здесь гораздо приятнее, — сказала Сабин, вдыхая полной грудью. Прохладный ветерок трепал её короткую юбку, и она на мгновение придержала её рукой, поймав несколько любопытных взглядов прохожих. — Почему не все живут здесь?»

«Нил предлагает открытое гражданство, — ответил Максим, и его голос звучал спокойно, терпеливо, как у человека, объясняющего очевидное ребёнку. — Поэтому там живут люди с меньшим достатком. Как компромисс — там усиленная безопасность и меньше ресурсов. Там всё ещё можно жить хорошо, но больше людей живут плохо. Сентиллион же требует определённого баланса на счёте для получения гражданства. Его могут аннулировать, если твои кредиты упадут ниже допустимого уровня. Преступность здесь гораздо ниже, поэтому безопасность более расслабленная... Эй!»

Его возглас раздался у неё за спиной — резкий, предупреждающий, — потому что Сабин, почувствовав, что его хватка на мгновение ослабла, когда он поворачивался к проходившей мимо паре, вырвала свою руку из его ладони и побе-

жала. Она бежала так быстро, как только могли нести её ноги, — сапоги гулко стучали по мостовой, лёгкая юбка взлетала, открывая ноги, но ей было всё равно. Побег был необходим. Она втянула голову в плечи, лавируя между людьми, и устремила взгляд на открытую равнину вдалеке, на то, что выглядело как лесополоса между зданиями — тёмные силуэты деревьев, обещающие укрытие и тень. Ей нужно было укрытие. Нужно было скрыться из виду, прежде чем он схватит её.

Максим был быстрее неё — она слышала его тяжёлые шаги позади, его дыхание, короткие команды, которые он бросал прохожим, чтобы те расступились, — но она знала, что его сковывают две вещи. Во-первых, он не хотел устраивать сцену. Здесь, в этом идеальном, безмятежном городе, бегущая девушка в короткой юбке с серебряным обручем на шее уже привлекала внимание — но если бы он побежал за ней с криками, это стало бы событием. Во-вторых, его гораздо более крупное тело — широкие плечи, мощная грудь — было труднее провести сквозь толпу. Она же, маленькая и юркая, проскальзывала между людьми, как рыба между камнями. Она шмыгала мимо прохожих, которые, почему-то, находили её стремительный бег весьма забавным. Более одного взрыва смеха проводило её, когда она лавировала между парами и группами людей, — они смеялись, указывали на неё пальцами, но никто не пытался её остановить. Может быть, здесь такие побеги были частью какой-то игры?

Её ноги только коснулись травы — мягкой, упругой, пружинящей под подошвами сапог, — когда большая, твёрдая рука сжала её шею сзади, а вторая обхватила талию, рывком отрывая от земли. Сабин взвизгнула, беспомощно дрыгая ногами в воздухе. Он был так близко — она чувствовала жар его тела, слышала его дыхание у своего уха, ощущала запах пота и чего-то острого, мужского.

«Это было непослушно, Принцесса, — прорычал он ей в ухо, и в его голосе не было ни капли веселья — только холодная, опасная сталь. — Очень непослушно». Рука на её шее на мгновение исчезла — и тут же вернулась, отвесив тяжёлый, звонкий шлепок по тому месту, где тонкая ткань юбки прикрывала её ягодицы. Удар был сильным — не шуткой, не игрой, — и Сабин взвыла от боли и унижения. Она принялась осыпать его проклятиями, выкрикивая всё, что приходило в голову, но он даже не поморщился.

«Дома я займусь тобой как следует, — сказал он спокойно, опуская её на землю — она пошатнулась, но он удержал её за плечо, — и снова схватил за руку. На этот раз его хватка была стальной: пальцы впились в её запястье так, что кости захрустели. — Я с тобой разберусь», — добавил он, и это прозвучало как приговор.

«Новый питомец?» — улыбнулся проходящий мимо мужчина — высокий, чисто выбритый, в дорогом тёмно-синем костюме, с серебряным браслетом на запястье. Он остановился, разглядывая Сабин с откровенным любопытством. —

«Тебе нужно приобрести хороший поводок. Мне потребовались месяцы, чтобы научить моего хоть какому-то подобию послушания. А этот ещё и кусается, судя по всему».

«Очень новый питомец, — ответил Максим, и его голос звучал ровно, хотя в уголках глаз залегла едва заметная напряжённость. — Ей понадобится не только поводок».

«Моя девочка хорошо отреагировала на тренировочные курсы, — продолжал незнакомец, кивая с видом знатока. — Всего несколько часов в неделю, но они творят чудеса. Базовое послушание, команды, приучение к месту. Через месяц вы не узнаете вашу... э-э... спутницу».

«Я подумаю об этом, спасибо», — сказал Максим с натянутой улыбкой, которая не коснулась его глаз.

Сабин понятия не имела, о чём они говорят, — но ей решительно не нравилось, как это звучало. Они говорили о ней так, будто она была просто вещью — новым приобретением, домашним животным, предметом интерьера. Будто её здесь вообще не было. Будто у неё не было голоса, мыслей, чувств. Сабин привыкли относиться как к объекту — в Эре она была принцессой, символом, драгоценностью в короне, — но она привыкла быть объектом почитаемым. Священным. Неприкосновенным. Ни один простолюдин из Эре не посмел бы приблизиться к ней без разрешения, не посмел бы говорить о ней в третьем лице, не посмел бы даже взглянуть на неё так, как этот человек — как на кусок мяса.

Кровь ударила ей в голову. Она выпрямилась, насколько

позволяла стальная хватка Максима, и, сверкнув глазами, обратилась к незнакомцу:

«Вам, возможно, стоит подумать о собственных тренировочных курсах, — сказала она ледяным голосом, который, бывало, заставлял придворных съёживаться. — У вас нет никаких манер, сэр. Совсем никаких».

«Сабин...» — Максим прорычал её имя предупреждающе, как натянутая струна.

Незнакомец с удивлением посмотрел на неё — широко раскрытыми глазами, приоткрытым ртом, будто у неё прямо на глазах выросла вторая голова. Затем он издал короткий, нервный смешок, который не имел ничего общего с его прежней безмятежной улыбкой.

«Какая она разговорчивая, — сказал он, и в его голосе проскользнуло что-то похожее на опаску. — А ты говоришь, принцесса... Ой!»

Сабин взвизгнула, когда рука Максима с силой опустилась на её зад — ещё раз, на этот раз так сильно, что искры посыпались из глаз, и язык онемел от боли. Она сжала губы, но слёзы обиды и злости уже наворачивались на глаза.

Выражение лица мужчины снова смягчилось — он явно принял это за часть воспитательного процесса. «Они все думают, что они принцессы, — усмехнулся он, покачивая головой. — Лучше не давать этой идее слишком укореняться. Серьёзно, тренировочные курсы. Очень рекомендую. Если хотите, могу дать контакт моего инструктора».

«Возможно, — сказал Максим с каменным лицом. — Дай мне сначала доставить её домой».

С этими словами они отправились дальше — Максим широко шагал, его рука сжимала её запястье как наручник, а Сабин снова плелась за ним, едва поспевая за его длинными ногами и чувствуя, как горит ушибленная плоть под короткой юбкой. Люди расступались перед ними, бросая любопытные взгляды, но никто больше не заговаривал.

«Почему ты позволил этому мужчине говорить со мной в такой панибратской манере? — прошипела она, когда они отошли достаточно далеко. — Со мной следует обращаться с уважением!»

«Не здесь, — отрезал он, даже не повернув головы. — Я думал, что объяснил тебе, Принцесса. Здесь у тебя нет королевского статуса. Ты — никто. Ты — моя собственность, как бы грубо это ни звучало. И уж точно ты не можешь так разговаривать с другими владельцами. Ты можешь нажить себе — и мне — серьёзные проблемы».

Сабин закатила глаза. Он был зол на неё — это было заметно по напряжённым скулам, по тому, как тяжело он дышал, — что казалось не совсем справедливым. Да, она прошла через портал, чуть не была арестована и... ну... ладно, возможно, она доставила некоторое количество проблем. Но это было её прерогативой как принцессы. Она имела право на капризы. Она имела право на побег. Она согласилась на секс с ним — это было щедрой наградой для человека его

положения, — но это не значило, что она позволит какому-то вылощенному незнакомцу в синем костюме подходить и высказывать своё мнение о том, что ей нужно носить поводок и посещать тренировочные курсы. Сама мысль об этом была оскорбительна до глубины души.

«Ты не привык к королевским особам женского пола, не так ли?» — спросила она, стараясь, чтобы её голос звучал холодно и высокомерно, хотя внутри всё кипело.

«Нет, — признал он, наконец повернув к ней голову и встретившись с ней взглядом. В его глазах не было ни насмешки, ни жалости — только твёрдая, непоколебимая решимость. — Не привык. И, честно говоря, не собираюсь привыкать. Здесь ты — не принцесса, Сабин. Ты — моя ответственность, моя проблема и моё наказание. И чем быстрее ты это поймёшь, тем легче будет нам обоим».

Он сжал её руку чуть крепче — не больно, но ощутимо, — и они продолжили путь, растворяясь в толпе идеального, безмятежного города, который не был её домом и никогда им не станет.

«Что ж, думаю, тебе нужно научиться разговаривать с королевской особой, потому что ты очень груб».

«О, боже, — сказал он бесстрастно, крепко сжимая её руку и ведя через оживлённую дорогу, лавируя между потоками людей и тихо гудящих машин. — Полагаю, нам обоим предстоит многому научиться, не так ли, Принцесса».

В его голосе не было ни капли уважения — только плос-

кая, почти скучающая ирония. Сабин стиснула зубы, но промолчала. Сейчас было не время для споров.

«Куда мы идём?» — Она проигнорировала его грубый ответ, предпочтя выудить хоть какую-то полезную информацию. Её щёки всё ещё горели от недавнего унижения на улице, а запястье ныло там, где его пальцы впились в кожу.

«У меня здесь есть жильё, — сказал он, не глядя на неё, сканируя взглядом улицу. — Мы направляемся туда, и нам нужно не привлекать внимания. Ты и так уже привлекла достаточно».

Здание, к которому он вёл её, было огромной спиралевидной конструкцией, закручивавшейся вверх, как гигантская раковина. Деревья росли прямо на балконах, их ветви свешивались вниз зелёными каскадами, а длинные лианы величественно спускались с самого верха до самого низа, создавая живой, дышащий фасад. По оценкам Сабин, в здании было не меньше сотни этажей — может, и больше. Оно уходило в облака, и его вершина терялась в голубоватой дымке.

«Разве люди не боятся жить в таких местах?» — спросила она, запрокидывая голову и чувствуя лёгкое головокружение.

«Почему они должны бояться?» — Максим даже не замедлил шаг.

«Это так высоко. Они могут упасть...»

«Они обычно не падают», — сказал он, и уголки его губ чуть дёрнулись в усмешке. Он явно находил её страхи забав-

ными.

«Но это так высоко! — воскликнула она, не в силах оторвать взгляд от уходящей в небо башни. — Им следовало бы жить очень близко к земле на случай... на случай пожара, или землетрясения, или...»

Она несла околесицу. Она не знала почему. Что-то заставляло её нервничать, и это было не здание. Его настроение изменилось после её попытки побега — стало более суровым, более решительным, почти опасным. Исчезла та лёгкая, почти насмешливая снисходительность, с которой он обращался с ней раньше. Теперь в нём чувствовалась сталь. У неё возникло отчётливое ощущение, что она в большой беде, — такое же ясное, как боль в запястье. Не говоря ей больше ни слова, Максим провёл её через просторный, залитый светом холл первого этажа, мимо пальм в кадках и тихо журчащего фонтана, к очень маленькой комнате с металлическими дверьми и множеством цифр на панели.

Когда двери закрылись за ними с мягким шипением, она слегка запаниковала. Пространство сжалось вокруг неё — никаких окон, только гладкие серебристые стены, тусклый свет и этот мужчина, заполняющий собой почти всю кабину. Ей стало трудно дышать.

«Выпусти меня!» — крикнула она, отступая к стене.

«Подожди минутку, — сказал он, нажимая кнопку с цифрой 99. — Мы сейчас приедем...»

Она издала короткий сдавленный крик, когда пол внезап-

но двинулся, а вместе с ним и она. Её желудок ухнул куда-то вниз — возникло отчётливое ощущение, будто она очень быстро, почти пугающе быстро, взлетает куда-то высоко-высоко. Вцепившись обеими руками в куртку Максима, она опустила на пол и съёжилась у его ног, закрыв глаза, пока движение не прекратилось. В ушах шумело.

Тишина. Потом мягкий сигнал.

«Это просто лифт, — сказал он, наклоняясь, чтобы погладить её по голове, а затем приседая на корточки перед ней, так как она так и осталась сидеть на полу, прижавшись к его ногам. Его глаза встретились с её — в них не было насмешки, только тёплая, почти отеческая усмешка. — Из всего, что ты здесь пережила — погоня, дрон, побег, мой ремень, — испугало именно это?»

«Ты не сказал мне, что он будет двигаться!» — выпалила она, чувствуя, как краска стыда заливает щёки. Ей было и страшно, и неловко.

«Верно, — признал он. — Но он достаточно безопасен. Могу тебя заверить, это наименее опасная вещь из всего, что мы сегодня делали. Пойдём».

Она не двигалась. Тогда он вздохнул, наклонился, подхватил её под мышки, как ребёнка, и поставил на ноги снаружи. Прохладный воздух коридора обдал её лицо.

«Так лучше?» — спросил он, чуть склонив голову набок.

«Ты должен предупреждать меня, если какой-нибудь другой пол соберётся двигаться, — сказала она резко, одёргивая

юбку и стараясь вернуть себе остатки достоинства. — Мне это совершенно не понравилось».

«Тебе многое ещё не понравится, Принцесса», — пробормотал он себе под нос, уже поворачиваясь к коридору.

«Что?» — Она не расслышала.

«Пойдём, — сказал он громче, протягивая руку. — Моя квартира в эту сторону».

Она пошла за ним по длинному, мягко освещённому коридору, минуя несколько одинаковых дверей с номерами. Под ногами был толстый ковёр, заглушавший шаги. Где-то тихо играла музыка. Пахло цветами и чем-то синтетически-свежим.

Он остановился у двери с номером 667, приложил глаз к маленькому блестящему кружку в верхней части двери — Сабин услышала тихий щелчок и жужжание сканера, — и подождал мгновение, пока дверь не открылась с плавным, почти музыкальным звуком.

«Добро пожаловать, мистер Монтерей», — промурлыкал женский голос — низкий, приятный, с лёгкой хрипотцой.

Сабин резко огляделась, но большая, залитая светом гостиная, в которую они вошли, казалась совершенно пустой. Высокие потолки, панорамные окна от пола до потолка, мягкая мебель светлых тонов. Ни души.

«Кто это?» — спросила она, понижая голос до шёпота.

«Это домашний компьютер, — сказал он, небрежно бросая ключи на столик у входа. — Её зовут Исри».

«В стенах живёт какая-то женщина?» — Сабин невольно покосилась на ближайшую стену.

«Это компьютер... вроде... электронного разума. Он управляет освещением, температурой, замками, музыкой. Это не настоящий человек, Сабин. Просто программа».

Она скривила верхнюю губу — жест, который её придворные дамы называли «королевское неодобрение». «Не знаю, нравится ли мне это. Какая-то странная женщина включает свет и открывает двери. Следит за нами?»

«Это не женщина, — терпеливо повторил он, начиная раздражаться. — Это, по сути, машина. У неё просто женский голос. Так более приятно для слуха. В любом случае, тебе стоит беспокоиться о вещах поважнее, чем Исри».

Она почувствовала, как внутри снова шевельнулся холодок тревоги. «О чём?»

«Обо мне, для начала, — прорычал он, и в его голосе не осталось и следа терпения. — Наконец-то у меня есть время этим заняться».

Мир Сабин закружился — он схватил её за руку, развернул и одним плавным, отточенным движением перекинул через спинку дивана. Она охнула, ударившись животом о мягкий, но упругий валик. Её ноги болтались в воздухе, руки бессильно упирались в подушки. Одна его рука зафиксировала её за поясницу, прижимая к дивану, а другая рывком задрала её короткую серебристую юбку вверх, обнажая ягодицы и бёдра до самых трусиков — которых, впрочем, не

было. Воздух охлаждал разгорячённую кожу.

Она издала визгливый протест — возмущённый, гневный, принцессинский, — который тут же перешёл в громкий, залиvistый крик, когда его ладонь опустилась и встретилаcь с её ягодицей солидным, звонким шлепком. Боль была острой, как укус пчелы, но сразу же разлилась жаром. И он повторял удар снова и снова — шлёпал её сильно, быстро, ритмично, без единой паузы. Его ладонь была твёрдой и горячей, и каждый новый шлепок обжигал уже покрасневшую кожу.

«Никогда больше не смей ослушаться меня, — прорычал он, и его голос звучал так, будто он сдерживал ярость. — Мы могли бы уже вернуться в Эре, если бы не твой фокус на Таймс-сквер! Ты могла стоять нам обоим жизни! А затем снова здесь — пытаться сбежать при всех, на глазах у толпы! Нельзя устраивать такие сцены, Сабин!»

Визжа и шокированная, Сабин никогда раньше не испытывала ничего подобного. В Эре никто — слышите, никто — не смел поднять дисциплинарную руку на королевскую принцессу. Её наказывали лишением привилегий, холодными взглядами, долгими нравоучениями — но не болью. Внезапно, в двадцать лет, она обнаружила, что последствия бывают не только моральными. Они могут быть очень, очень физическими.

«Прекрати! Прекрати сейчас же!» — Её крик стал паническим, когда она попыталась вырваться. Она дрыгала ногами, извивалась, пыталась укуcить подушку — но его рука на

пояснице держала мёртво. Каждое её движение только смещало диван, но не ослабляло хватку.

«Нет, — прорычал он между тяжёлыми шлепками. — Пока я не пойму, что ты меня слышала. Повсюду опасности, и единственный способ их избежать — делать то, что я говорю. Ты поняла? Иначе нам придётся иметь дело не с маленьким летающим дроном. С целой армией. Или хуже».

«Оооооо! Больно!» — Она едва слушала его слова. Слова не имели значения, когда её задница пылала так, будто он прижигал её раскалённым железом. Он всё ещё хлестал её — каждый шлепок наслаивался на предыдущий, и боль не утихала, а нарастала, превращаясь в сплошной пульсирующий жар. Всё тело дрожало от этих ударов, прокатывающихся через таз, через позвоночник, до самых кончиков пальцев. — «Отпусти меня! Я ненавижу тебя!»

«Мне плевать, ненавидишь ли ты меня, — прорычал он, чуть наклоняясь над ней, так что его дыхание коснулось её затылка. — Мне важно, чтобы ты следовала приказам. Ты будешь делать, что тебе говорят?»

Был только один ответ, который мог вытащить её из этой болезненной ситуации. Одно слово. «Да». Но в её жилах текла королевская кровь — гордая, древняя, непокорная. Она стиснула зубы так, что заныли челюсти. Её задница горела, глаза щипало от непрошенных слёз, но она не собиралась сдаваться.

Это была битва воли. И она не проиграет. Если он хочет

избить её, пусть попробует. Ему придётся в конце концов объяснить её отцу, почему принцесса вернулась домой со следами на теле. А её отец — король Эре, владыка трёх долин — не проявит к нему пощады. Ни капли. В этом Сабин была уверена, как в том, что солнце встаёт на востоке.

«Нет!» — закричала она, выплёвывая слово как проклятие. — «Никогда!»

Максим замер. Его рука зависла в воздухе, не опускаясь для следующего удара. Он уставился на свою маленькую пленницу — на её взъерошенные волосы, на красные, мокрые щёки, на сжатые в тонкую линию губы — и на мгновение растерялся.

Это было далеко за пределами его обычной компетенции. Обычно целями, за которыми он охотился, были опасные мужчины — контрабандисты, изменники, убийцы, те, кто угрожал Эре из тени. Ему не нужно было беспокоиться об их сотрудничестве; он просто нейтрализовывал их. Тем или иным способом.

Но здесь... девчонка. Упрямая, избалованная, королевская кровь. И её «никогда» прозвучало так, будто она готова умереть на этом диване, но не сдаться.

Подавить её химическим путём не могло быть и речи. Возможно. Наверное. Нет. Как бы заманчиво ни было просто вколоть ей успокоительное, избавить их обоих от проблем, которые она настаивала на том, чтобы создавать, — наркотики для принцессы не входили в его планы. Это бы-

ло бы прямым нарушением приказа. Да и потом, она могла не проснуться. Или проснуться с повреждённой психикой. Слишком рискованно.

Он глубоко вздохнул, выпрямляясь. Уж он-то точно мог справиться с такой девчонкой. Она была непокорна, с красной, горящей задницей, но это не означало, что её нельзя было наказать дальше. Научить. Сломать это королевское упрямство.

Он усилил хватку на её пояснице, не давая ей соскользнуть, и свободной рукой потянулся к своему поясу. Пальцы расстегнули пряжку — металл тихо звякнул. Он выскользнул длинный кожаный ремень из шлёвок, сантиметр за сантиметром, и сложил его вдвое в правой руке. Задача оказалась не из лёгких — принцесса снова начала извиваться и ругаться, выкрикивая проклятия, от которых у его бабушки случился бы сердечный приступ.

Прицелившись, он обрушил ремень на её ягодицы. Сильно. С хлёстким, мокрым звуком, от которого у него самого перехватило дыхание.

Сабин напряглась всем телом — как струна — и закричала. Не визжала, а именно закричала — низко, надрывно, срываясь на кашель. На её коже мгновенно проступил красный рубец — яркая полоса, пересекающая обе ягодицы и отмечающая центр этих пылающих полушарий.

«Вам нужна помощь, мистер Монтерей?»

Её крик — точнее, этот последний, полный боли вопль

— активировал аварийные цепи Исри. Мягкий, заботливый женский голос разнёсся по комнате, и Максим выругался сквозь зубы — грязно, зло, едва слышно. Он так сосредоточился на том, чтобы проучить эту избалованную маленькую принцессу, что забыл отключить голосового ассистента.

«Нет, Исри, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Здесь нет опасности. Просто... избалованный питомец».

Короткая пауза. Затем — всё тем же мелодичным голосом: «Поняла. Я отключу свои аудиосервисы на один час. Приятного вечера, мистер Монтерей».

«Спасибо, Исри».

«Ты добрее к этой машине, чем ко мне», — всхлипнула Сабин. В её голосе не было гнева — только боль, обида и что-то ещё, похожее на детскую беспомощность.

«Это потому, что машина слушается меня и делает, что ей говорят, — сказал он, не давая себе времени на жалость, и снова хлестнул ремнём по её ягодицам. Удар пришёлся чуть ниже первого рубца, и Сабин дёрнулась, как от удара током. — А ты — нет».

«Оооой! Перестань, пожалуйста!» — Её крики становились жалобными. Интенсивность ударов ремнём делала её первоначальное сопротивление всё более трудным для поддержания. Гордость всё ещё кипела где-то глубоко, но боль заглушала её.

Вторая полоса рубцов теперь пересекала её ягодицы, чуть

ниже первой. Кожа горела, пульсировала, и каждое прикосновение воздуха было пыткой. Он начинал добиваться своего — не потому, что она сдавалась, а потому, что её тело больше не могло терпеть.

«Я перестану, когда ты пообещаешь быть хорошей девочкой». Он немного смягчил тон — в нём появилось что-то почти увещательное, — но ремень по-прежнему был зажат в руке наготове. Сабин извернулась и почти лежала теперь боком на диване, но он всё ещё держал её за ворот куртки, фиксируя на месте. Остальная часть её тела сползла на широкую верхнюю спинку дивана, ноги беспомощно болтались.

Он видел светлый, почти прозрачный пушок между её бёдер — и то, что его не должно было быть видно. Её женские губы, всё ещё покрытые его подсыхающим семенем, припухли и слегка раскрылись. На секунду ему показалось, что он случайно задел ремнём между ног во время всей этой возни — но нет. Он быстро понял, что это не от ударов. Она была возбуждена. Вся эта её борьба, извивания, трение о мягкую обивку дивана — это было почти то же самое, что ритмичные движения в постели. Его член болезненно затвердел в штанах, и он мысленно выругался. Воспоминание о том, как она сжималась вокруг него — тугая, горячая, влажная, — было всё ещё слишком ярким, слишком живым.

Если бы она действительно была его — не заданием, не принцессой под охраной, а просто его женщиной, — он бы взял её снова. Прямо здесь, на этом диване. Засунул бы свой

член обратно в неё, грубо и глубоко, и трахал бы её до тех пор, пока она не начала бы умолять о разрядке, пока слёзы не высохли бы на её щеках и она не пообещала бы делать всё, что он скажет, и даже больше.

Но в отличие от их первого соития — которое было грязным, необходимым, продиктованным правилами въезда в Сентиллион, — любая дальнейшая сексуальная активность была бы не чем иным, как осквернением короны. И для этого он не мог найти оправдания. Ни перед её отцом. Ни перед собой.

Максим стиснул зубы, заставил себя отвести взгляд от её бёдер и сосредоточился на лице — красном, мокром от слёз, с плотно сжатыми губами. Он всё ещё ждал ответа. И, кажется, она всё ещё не собиралась его давать.

Глава 4

«Я обещаю», — тихо пробормотала она, и в её голосе слышалась мрачная покорность, та особая горечь, которая появляется, когда гордость раздавлена, но ещё не сломлена окончательно. Она не смотрела на него — взгляд был устремлён в ворс дивана, в бежевую ткань, которую она вдруг принялась рассматривать с неестественным вниманием, будто там скрывался ответ на все вопросы.

«Не так уж много понадобилось, чтобы сломить твою волю, не так ли», — заметил он, не спеша, почти лениво откладывая ремень в сторону. Кожаная полоса глухо стукнула о край стола — звук показался ей непропорционально громким в тишине комнаты. «Два удара ремнём, — продолжил он, и в его голосе не было ни злорадства, ни сочувствия — только констатация факта. — На всякий случай, если ты подумаешь нарушить своё слово, принцесса: в следующий раз, когда слушаешься, получишь десять».

«Десять! — Она резко вскинула голову, и в её глазах на миг вспыхнул прежний огонь. — Это убьёт меня». Голос дрогнул, потому что она вдруг поняла: он, возможно, и в самом деле способен на это. Или, по крайней мере, не остановится, если решит, что так нужно.

«Не убьёт, — ответил он спокойно, даже буднично, и этот

тон пугал больше, чем крик. — Но, возможно, убьёт это твоё отношение». Он кивнул на неё, на её позу, на то, как она всё ещё сжимала пальцы в кулаки, как подрагивали её плечи. «Отношение к тому, что тебе говорят. К тому, кто здесь главный».

«Ты самый жестокий человек, которого я когда-либо встречала», — выдохнула она в диван, уткнувшись лицом в обивку. Ткань была прохладной, ворсистой, пахла чем-то искусственным, химическим — как всё в этом мире. «Клянусь, когда я расскажу отцу — твоему королю — что ты со мной делал, тебя ждёт куда более суровая участь, чем всё, что ты сделал мне. У него есть темницы, знаешь ли. Полные орудий пыток». Она попыталась придать голосу угрожающие нотки, но вышло жалко — слишком много боли и унижения было в этих словах.

Максим рассмеялся — открыто, искренне, и этот смех резанул по ушам. «Замковые темницы не использовались для пыток с тех пор, как твой отец завоевал королевство. Теперь это, по сути, складские помещения, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — Если уж собираешься мне угрожать, делай это хоть сколько-нибудь убедительно». Он подошёл ближе, и она почувствовала его запах — пот, металл, что-то острое, мужское. «Твой отец, между прочим, сам меня нанял. Думаешь, он не знает, какими методами я работаю?»

«Ну... когда я вернусь, я это изменю. Я прикажу приготовить отдельную камеру специально для тебя и... ой!»

Она взвизгнула — резко, высоко, почти по-детски, — когда он снова хлестнул её ремнём по заду. Удар пришёлся по самому чувствительному месту, туда, где кожа уже горела от предыдущих. В глазах потемнело, и она на мгновение забыла, как дышать.

«Достаточно», — прорычал он, и в этом рыке было что-то животное, первобытное, от чего по спине побежали мурашки, не имеющие никакого отношения к страху.

* * *

Ей хотелось плакать — по-настоящему, громко, разрыдаться в голос, чтобы всё это вышло наружу вместе со слезами. Но она не позволила бы ему довести себя до слёз. Ни за что. Не перед ним. Яростно моргая (ресницы слипались от непролитой влаги, и мир вокруг казался неестественно чётким), она глубоко вздохнула, пытаясь вернуть контроль и над собой, и над ситуацией. Грудная клетка ходила ходуном, воздух входил с присвистом.

Он всё ещё прижимал её к дивану — тяжесть его ладони на пояснице была неумолимой. Но больше не стегал. Можно было бы подумать, что это облегчение, но жжение в её ягодицах было таким сильным, таким всепоглощающим, что наказание продолжалось само по себе — её мышцы непроизвольно сжимались, щёки дрожали от жара и пульсирующих ощущений. Казалось, её кожа покрыта слоем расплавленного свинца, который никак не мог остыть.

«Ладно, — прорычала она сквозь зубы, и это было больше

похоже на рык раненого зверька, чем на человеческую речь. — Я буду делать, как ты скажешь».

«Хорошо».

Он отпустил её — резко, без предупреждения, — и она кубарем перекатилась через диван, поставив между ними массивную мебель. Обивка дивана была прохладной и гладкой, и это прикосновение к горячей коже заставило её вздрогнуть. Оказавшись в безопасности от новых шлепков — по крайней мере, на несколько секунд, — она завела руку назад и потерла свой зад. Ладонь была горячей, но кожа под ней казалась ещё горячее. Пальцы нащупали выпуклые полосы — следы от пряжки, наверное, или от края ремня. Сабине было глубоко стыдно за то, что он с ней сделал. Не только стыдно — унижительно, до тошноты, до горького комка в горле.

Сначала он трахнул её. Лишил девственности, грубо и без спроса, хотя в тот момент она, кажется, не сопротивлялась. Потом, сразу после этого, отчитал как нашкодившую девчонку. А теперь избил ремнём, словно она была простолюдинкой, провинившейся перед хозяином. Ей было трудно встретиться с ним взглядом — слишком много всего отражалось бы в её глазах, слишком много того, что она не хотела бы ему показывать. И она не могла остановить румянец, когда он застегнул ремень обратно на пояс — кожаная пряжка звякнула с металлическим звуком, — и поймал её взгляд.

«Мне оставить его снятым? — Он слегка похлопал себя по бедру, где висел ремень. — Он мне ещё понадобится?»

«Заткнись», — пробормотала она, отводя глаза. Голос у неё сел, охрип от криков и от напряжения.

«Прости, принцесса?» — Он наклонил голову, изображая, что не расслышал, но в уголках его губ уже играла усмешка.

«О, что, теперь я даже не могу сказать тебе “заткнись”?» — Она вскинула подбородок, пытаясь вернуть хоть каплю былого достоинства.

«Шокирующе, знаешь ли, — ответил он с каменным лицом, но в глазах танцевали смешинки. — И как тебя только так избаловали? Король бы такого не потерпел. Ни за что».

«Нет, не потерпел бы, — сказала она с лёгкой, почти неуловимой усмешкой. — Но все остальные терпят. Каждый. Всегда». В её голосе прозвучала такая горечь, что он на мгновение замер.

«А я нет».

«Ты не в счёт. Ты ужасен. Ты худший мужчина, которого я встречала. Ты мерзавец. Ты жесток. Ты... ты...» Слова кончились, иссякли, как вода в пересохшем колодце, но эмоции остались — и они требовали выхода. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

С каждым её словом его улыбка становилась всё шире, и это было хуже любого крика. «Ты избалованная маленькая дрянь, — сказал он беззлобно, почти ласково, и от этого стало ещё обиднее. — Я ещё не закончил твоё наказание, принцесса?» Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и неизбежный.

Она понятия не имела, что её ждёт. Эта мысль грызла её изнутри, как мелкий голодный зверёк. Скоро они отправятся загород — он сказал, на Север, туда, где холодно и пустынно, — а потом он откроет портал, чтобы вернуться в Эре. В её мир. В тюрьму, из которой она так мечтала выбраться. Но не раньше, чем он преподаст ей все уроки, которые она должна усвоить. Сколько их будет? Десять? Двадцать? Сотня?

Он чувствовал, что с этой ему придётся использовать ремень довольно часто. Она уже начинала надувать губы — так, что у него чесалась рука. И дело было не в гневе, нет. Дело было в том вызове, который она бросала ему каждым своим жестом, каждым взглядом. Дрожь в её нижней губе говорила о том, что она в некотором шоке — после всего, что произошло, это было неудивительно, — а то, как она тянулась назад, чтобы почесать зад, как её широкие голубые глаза, влажные и одновременно полные вызова, смотрели на него... она была очаровательна. Невероятно, невыносимо непослушной, но всё же милой. И это сочетание сводило с ума.

«Лучше бы ты уже закончил меня наказывать, — мрачно пробормотала она, кутаясь в себя, словно в одеяло. — Моя задница отвалится, если ты сделаешь это снова».

«Не отвалится, — заверил он её, и в его голосе прозвучала странная уверенность — уверенность человека, который знает пределы человеческого тела лучше, чем она сама. — Я

мог бы сделать с тобой гораздо, гораздо больше, чем это». Он сделал шаг вперёд, и она невольно отступила на шаг назад.

«Нет, не мог бы», — нахмурилась она, но в голосе уже не было прежней уверенности.

«Мог бы. Так что веди себя хорошо. И перестань тереть».

«Перестать тереть? — Она уставилась на него так, будто он предложил ей перестать дышать. — Почему?»

«Чем дольше ты чувствуешь это жжение, тем больше у тебя есть хоть какой-то шанс вести себя прилично, — сказал он, и в его тоне не было ни капли жалости. — Нам обоим нужно поесть». Он развернулся и направился к странной нише в стене, оставив её стоять на месте, растерянную и всё ещё горящую.

* * *

Еда в этом мире была такой же странной, как и всё остальное. Как стены, которые шептались. Как дроны, которые жужжали за окнами. Как воздух, который пах озоном и пластиком. Максим ничего не готовил — по крайней мере, она этого не видела. Он просто подошёл к проёму в стене — гладкому, серому, с едва заметной светящейся полоской по краю, — заговорил с ним тихо, почти ласково, и мгновение спустя вытащил оттуда два подноса с дымящейся горячей едой. Она предположила, что, должно быть, еда поступала с кухни внизу, вероятно, через какой-то подъёмник, но в глубине души понимала: здесь всё устроено не так. Здесь вообще ничего не было устроено так, как она привыкла.

Она сидела на мягкой подушке на полу — он не предложил ей стул, и она не стала просить, потому что не хотела давать ему лишний повод почувствовать свою власть, — практически у его ног, и мрачно ковырялась в еде. На вкус она казалась ей странной, какой-то испорченной. В Эре еда была простой и богатой — мясо пахло мясом, хлеб пах хлебом, и всё это имело вкус, настоящий, глубокий, живой. У этой же пищи был странный, синтетический привкус и пресный, почти бумажный вкус, из-за чего казалось, будто она ест не настоящую еду, а её бледную копию. Как если бы кто-то рассказал ей о вкусе, но никогда не дал его попробовать.

«Это ведь не настоящее мясо, правда?» — Она сморщила нос, поднимая на вилке кусочек чего-то сероватого, упругого, совершенно не аппетитного. Пахло это чем-то отдалённо знакомым, но неправильным.

«Это синтезированное мясо, — сказал он, не отрываясь от своей тарелки. — Оно выращено на фабрике. В биореакторах. Клетки делятся, размножаются, получается продукт. Ни одно животное не пострадало».

«То есть, оно не от настоящего животного?» — Она положила кусок обратно на тарелку. Аппетит пропал окончательно.

«Нет. Люди решили, что убивать животных ради еды — это варварство, так что теперь всё синтезируют искусственно». Он прожевал, проглотил и добавил: «Эффективно. Дешево. И никакой жестокости». В его голосе, впрочем, не бы-

ло особой гордости — скорее спокойное принятие факта.

«Коровы, наверное, рады этому». — Она попыталась пошутить, но шутка вышла плоской, как этот пресный синтетический стейк.

«Коров больше нет». Он сказал это так буднично, как будто сообщил, что на завтра ожидается дождь.

«Что? — Она подняла голову. — Почему?»

«Нет больше коров, овец, свиней, кур... назови любое домашнее животное, — сказал он, отодвигая свою тарелку. — Когда они перестали быть нужны для еды — зачем кормить животное, если его мясо можно вырастить в пробирке? — и фермеры больше не могли зарабатывать на их разведении, они просто вымерли. Ну, почти вымерли. Есть пару сотен голов в зоологических центрах. Для истории». Он пожал плечами. «Эволюция».

«Но дикие животные-то остались?» — В её голосе прозвучала надежда. Она вспомнила леса вокруг замка — настоящие леса, с оленями, кабанами, белками. Живые леса.

«Дикой природы почти не осталось, — сказал он, и его лицо стало серьёзным. — Так что... нет... есть несколько заповедников, но популяции настолько малы, что почти все виды животных находятся на грани исчезновения. Те, что не вымерли полностью. Климат менялся, города разрастались, ресурсов становилось всё меньше...» Он замолчал, глядя куда-то в сторону. «Люди съели весь мир, принцесса. И не заметили этого».

Её лицо вытянулось, и она отодвинула миску — подальше от себя, подальше от этой синтетической еды, которая вдруг показалась ей оскорблением. «Значит, нет коров и нет нормальной еды. Зато есть рои дронов, как саранча, и странные тётки в стенах, которые разговаривают с тобой, когда им вздумается. — Она провела рукой по волосам, откидывая их с лица. — Не может быть, чтобы всё было таким. А что насчёт других королевств? Других миров?»

«Я же говорил тебе, нет никаких других королевств, — терпеливо объяснил он, словно ребёнку. — Раньше их называли странами, но теперь это лоскутное одеяло корпоративных территорий, раскинувшихся по континентам. Ты можешь посетить то, что когда-то было странами — Францией, Японией, Бразилией, названия ещё остались, — но по большей части там просто корпоративные разрастания. Офисы. Заводы. Жилые комплексы для сотрудников. И всё то же самое». Он сделал глоток из стакана с прозрачной жидкостью. «Мир стал меньше, принцесса. И намного скучнее».

«Но ты сказал, что мы поедем загород». — В её голосе прозвучала мольба — ей так хотелось, чтобы он сказал, что есть ещё места, где не всё потеряно.

«Мы поедем на Север. Далеко на Север. В то, что раньше называлось Аляской. Там слишком холодно для многих, так что живут там только выносливые изгои и немного дикой природы — остатки того, что не смогли застроить. — Он взглянул на неё. — Мы, вероятно, сможем открыть там пор-

тал, не привлекая излишнего внимания. Никто не полезет в мороз смотреть, что там за горизонтом вспыхнуло».

«Я не понимаю, почему ты так волнуешься, — пробормотала она, обхватывая колени руками. — Здесь всё и все такие странные, сомневаюсь, что кому-то будет дело, откроешь ты портал или нет. Это было бы наименее странной вещью здесь». Она оглядела комнату — голые стены, холодный свет, отсутствие жизни. «В этом мире всё странное. Даже ты».

Максим улыбнулся её тону — в этой улыбке было что-то печальное. «Уже не в восторге от этого мира, принцесса?»

«Наверное, мне бы нравилось больше, если бы я была не с каким-то безумцем, который меня избивает», — пожала плечами Сабина, и этот жест вышел слишком безразличным для того, что она чувствовала на самом деле.

«Я тебя не избивал. Я едва отшлёпал тебя, — поправил он её, и в голосе снова появилась стальная нотка. — Хотя избияния всё ещё в силе. Как опция. Не забывай об этом».

«Тебе ведь всё равно, правда? — Она подняла на него глаза, и в них была не только злость, но и что-то другое — то, чего она сама не могла бы назвать. — Это было очень больно, и ты сделал это без всякой уважительной причины. Ты просто хотел ударить меня, потому что я не выполнила твои приказы немедленно, как какая-то прислужница. Ты, кажется, забываешь, что я принцесса». Последние слова прозвучали почти жалобно.

«Здесь — нет, — напомнил он, и его голос стал тише, но от этого только весомее. — Здесь ты Сабина Монтерей. Просто Сабина. Без титулов. Без дворцов. Без слуг, которые бросятся выполнять любое твоё желание».

«По крайней мере, на территории Центиллиона, да?» — Она попыталась ухватиться за эту соломинку.

«Да, — сказал он. — Хотя большинство территорий признают права собственности, оформленные в других корпоративных государствах. Это такой... взаимный договор. Чтобы не было войн. Так что ты застряла со мной, принцесса. Крепко застряла».

Она сморщила нос — жест, который в другом контексте мог бы показаться милым. «Ты просто всё знаешь об этом мире, да?»

«Это моя работа, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучала усталость. — Знать. Понимать. Ориентироваться. Иначе здесь не выжить».

Она кивнула и долго на него посмотрела — так, будто видела впервые. Будто только сейчас заметила морщины у глаз, которые не были следами возраста, но следами напряжения. «Так сколько ты уже живёшь здесь?» — спросила она тихо.

«Около десяти лет».

«Ты прожил здесь целое десятилетие. — Она присвистнула — негромко, удивлённо. — Это...» Она посмотрела на него с растущим уважением, в котором смешивались восхищение и недоверие. «Это невероятно. Как можно здесь

столько выдержать? Что ты делаешь? Чем занимаешься?»

«Так же, как и ты выполняешь приказы, так и я их выполняю, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Я слежу, чтобы угрозы для Эре были нейтрализованы. Я не даю любопытным людям, солдатам, корпоратам, кому угодно, попасть в Эре. Я — страж. Я — фильтр. Я — тот, кто стоит между вашим миром и этим. И не даю им смешаться».

«Меня взаперти держали в замке годами, — сказала она, и голос её стал тихим, почти шёпотом. — Там так скучно. День за днём одно и то же. Те же стены. Те же лица. Те же разговоры. День за днём одни и те же люди. Даже город — когда меня выпускали — такой же. Те же торговцы с теми же шелками, те же платья, те же сплетни...» Она замолчала, осознав, что он смотрит на неё с тихим, заинтересованным видом. В его взгляде не было насмешки — только внимание. И это было странно.

«Ты же думаешь, что я избалованная, да?» — спросила она, не дожидаясь ответа.

«Не в этом смысле, — сказал он, удивив её. — Я не виню тебя за то, что ты хочешь выбраться из дворца. Я бы и сам сбежал, если бы меня заперли. Но ты... ты выбрала неудачный способ». Он слегка улыбнулся. «И ещё более неудачного спутника».

«Но ты винишь меня за то, что я не позволяю тебе с лёгкостью вернуть меня туда, — сказала она, вглядываясь в его лицо. — Может быть... может, если бы ты рассказал моему

отцу то, что сейчас сказал — ну, про скуку, про то, что мне нужно больше свободы, — он бы прислушался. Может, у меня могла бы быть своя собственная жизнь... своя. Не та, которую за меня выбрали».

Максим покачал головой — медленно, тяжело, как человек, который уже видел эту дорогу и знает, куда она ведёт. «Я не собираюсь указывать королю Савику, как воспитывать дочь, — сказал он. — Это не моё дело. Моё дело — вернуть тебя целой и невредимой. И — судя по тому, как говорил твой отец, — думаю, тебе повезёт, если ты вообще хоть когда-нибудь увидишь что-то за пределами своих покоев. Он был... зол. Очень зол».

«Значит, меня запрут в комнате, а тем временем этот мир будет вертеться, — сказала она, и глаза её затуманились от чистого, безысходного отчаяния. — Я никогда не смогу жить своей жизнью, да? Я даже не человек для тебя или для моего отца. Я просто вещь. Просто предмет. Трофей. Девственница на продажу, которую нужно выгодно пристроить. Я просто вещь, которую нужно выдать замуж».

Выражение лица Максима было торжественным и трудночитаемым. Он смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то — тень сочувствия? понимания? — но она не была уверена.

«Ты устала, — наконец сказал он, и его голос стал мягче, чем прежде. — Может, тебе стоит привести себя в порядок и отдохнуть». Он поднялся, и стул скрипнул по полу.

Он сменил тему. Пытался быть лояльным королю. Единственному, чьё мнение имело значение. То, чего хотела она, было в его глазах неважно. Она была просто заданием — пунктом в списке дел, который нужно вычеркнуть. Ему не было до неё дела. Не по-настоящему. Он просто хотел получить свою награду и вернуться к своей невероятной жизни — жизни, о которой большинство людей в Эре не могли и мечтать. А она останется запертой в золотой клетке.

«Я хочу спать», — солгала она, стиснув зубы так, что зажали челюсти. Спать она не хотела. Она хотела быть.

«У меня есть комната, где ты можешь поспать, принцесса», — сказал он, не глядя на неё.

Он провёл её через квартиру в простую комнату с кроватью и почти без обстановки — голые стены, одно окно, выходящее на чёрную стену соседнего здания, и больше ничего. Ни картин, ни книг, ни безделушек. Это было далеко не то жильё, к которому она привыкла — её спальня в замке была больше этой квартиры, — но ничто в этом мире не было привычным для неё. Она удивилась, что он не собирается взять её в свою постель — после всего, что произошло, это казалось логичным продолжением, — но, возможно, не стоило удивляться. Он с самого начала говорил, что секс — это не личное. Что это просто... работа? Или способ установить контроль? Каким бы страстным ни было то, что между ними произошло, очевидно, это ничего для него не значило. Просто ещё один инструмент. Как ремень. Как приказы.

«Отдохни, — сказал он, похлопав её по заду — легонько, почти по-дружески, — чтобы подтолкнуть в комнату. Как только она оказалась внутри, он закрыл за ней дверь. Щёлкнул замок.

Она села на кровать — матрас мягко прогнулся под её весом, смягчая нежную, всё ещё горящую задницу, — и предавалась серьёзным размышлениям. Мир, в котором она оказалась, был невероятен. Страшен и прекрасен одновременно. Максим говорил, что он опасен, и, возможно, так и было, но она чувствовала здесь вкус свободы — острый, как лезвие, и сладкий, как запретный плод. Люди на улицах были такими живыми — спешили, спорили, смеялись, ругались, — такими настоящими, намного живее, чем унылые, покорные жители Эре, которые занимались своими повторяющимися делами, никогда ни о чём не спрашивая. Здесь всё нужно было подвергать сомнению. Здесь никто не принимал ничего как должное. Возможности казались бесконечными — горизонты простирались за край воображения.

Даже если бы ей каким-то чудом удалось избежать брака с генералом Изодором (а она подозревала, что чуда не будет), Эре был застойным, старым, простым и скучным... и, что гораздо хуже всего этого, он был тюрьмой, в которую она родилась. Тюрьмой с золотыми решётками и бархатными кандалами. Она отдала бы свой титул принцессы — не задумываясь, не торгуясь, — в мгновение ока, чтобы освободиться от того мира и стать частью этого. Стать просто Сабиной.

Стать никем. Стать свободной.

Максим не понимал этого. Он был мужчиной. Он не знал, каково это — когда твоё тело не принадлежит тебе. Когда твоё будущее решают другие. Когда тебя держат как безделушку для обмена, как дорогую вазу, которую можно разбить или подарить. Его тело не отдадут мерзкому генералу Изодору, старому, с жирными пальцами и масляным взглядом. Его не будут трахать по ночам, потому что «так надо, дорогая, это твой долг перед королевством».

Сабина легла на кровать, уставившись в потолок. Белый, гладкий, пустой. Как её будущее. Где-то далеко, за стенами этого здания, за шумом дронов и голосами людей, жизнь продолжалась. А здесь, в этой комнате, не было ничего. Сон не приходил. Она лежала и смотрела в потолок, пока за окном не начало светать.

Глава 5

Максима разбудил настойчивый звонок и мелодичные сигналы Исри, которые делались всё громче, поскольку он проигнорировал её первоначальные предупреждения.

— В чём дело, Исри?

— Сэр, ваш домашний любимец пытается открыть входную дверь. Предоставить ей доступ?

— Нет, — грубо отрезал Максим. — Ни в коем случае.

Сабина, видимо, так и не усвоила урок. Он застал ее у двери — она отчаянно пыталась повернуть ручку, хотя, должно быть, знала, что выбраться на самом деле невозможно. Она ухватила за ручку обеими руками и крутила ее так сильно, что можно было что-то сломать.

— Прекрати! — Он подошел к ней и шлепнул ее по руке. Сильно.

Она ахнула и резко отдернула руку от двери.

— Возвращайся в постель. Немедленно! — Он прогремел этот приказ. Не было никакой сложности придать своему голосу низкие ноты. Эта девчонка действовала ему на самые последние нервы.

Сабина развернулась, выпрямилась во весь свой рост, отчего макушка ее головы оказалась где-то на уровне середины его груди, указала на дверь и злобно уставилась на него.

— Выпусти меня!

Она серьезно? После всего, через что она прошла? После того, как ее облапошили уличные мальчишки и преследовал целый флот дронов? После всего времени, которое он потратил на объяснения, она все еще хотела бежать обратно в электрические дикие земли?

— Я не собираюсь тебя выпускать, — сказал он. — А теперь прекрати визжать.

Она снова бросилась к двери, и на этот раз он схватил ее, прежде чем она успела снова дернуть ручку. Ее пальцы едва обхватили ее, когда он оттащил ее прочь.

— Отпусти меня! Выпусти меня!

Его ладонь встретилась с ее задницей достаточно сильно, чтобы привлечь ее внимание. Гораздо сильнее, чем в прошлые разы. На ее голой коже мгновенно расцвел горячий красный отпечаток ладони. Она пронзительно вскрикнула — как и следовало ожидать — и обругала его словами, которых ни одна принцесса не должна знать.

— Что на тебя нашло? — прорычал он вопрос, обхватив ее за талию и оттаскивая от двери. — Ты была спокойна, когда ложилась спать.

— Ничего не нашло! Я никогда не соглашалась работать с тобой! Я ни на что из этого не соглашалась. Я хочу уйти. Можешь быть рабом моего отца, но я не хочу. Я буду продолжать пытаться. Что бы ты ни делал, я буду свободна, понятно? Ты не сможешь меня остановить. Даже если ты отве-

зешь меня обратно в Эре, я вернусь сюда. Теперь я знаю, как пользоваться порталами. Меня ничто не остановит.

Она была такой решительной, такой свирепой. Он не мог не восхищаться ее духом, даже несмотря на то, что она делала его работу значительно труднее, чем нужно.

— Итак, пешка, — сказала она надменным тоном. — Отпусти меня сию же минуту, иначе, когда я вернусь в следующий раз, возможно, ты сам окажешься в плену.

Максим из всех сил старался не рассмеяться. Угрозы от этой хрупкой девчонки были для него забавны, но это не значило, что он мог позволить ей так с ним разговаривать. Она должна была усвоить смирение, и быстро. Он отнес ее обратно в свою спальню и сел на кровать, перекинув принцессу через свои бедра. Это будет долгая ночь для них обоих.

— Ты ведешь себя драматично, Принцесса, — сказал он, нанося ей очередной сильный шлепок. — И грубо.

— Ай! А ты не слушаешь. Ты сам сказал. Кровь королей течет в моих жилах, и я не останусь в плену ни дня, нет, ни часа дольше!

Она очень хорошо умела произносить надменные речи, но они ничего не значили, когда она была заперта у него на коленях, ее стройная фигурка плотно лежала поперек его бедер. Он подумал о том, чтобы просто дать ей выбиться из сил, а затем отвести ее обратно в постель с ним. Он определенно не собирался снова выпускать ее из виду, пока они не вернутся в другой мир.

— У тебя нет выбора, Принцесса, — сказал он, стараясь сохранять спокойный тон, чтобы успокоить ее. Он провел ладонью по ее уже уязвленным щекам и легонько похлопал ее по задку. — Я знаю, тебе это не нравится, но я пытаюсь обезопасить тебя. Если ты выйдешь туда, тебе причинят боль.

— Тогда научи меня не попадать в беду! И отпусти меня! Скажи моему отцу, что не смог меня найти!

— Я не собираюсь лгать королю, — твердо сказал Максим. — И я не собираюсь принимать приказы от избалованной маленькой принцессы. Я был с тобой настолько терпелив, насколько мог, Сабина.

— Ложь! Ты бил меня за неповиновение. Что ж, мне все равно. Я никогда не буду тебя слушаться... ай!

Она взвизгнула, когда он снова начал шлепать ее — твердые, медленные шлепки, которые будут греть ее заслужившую наказание задницу еще долгое время. Этой девушке дисциплина была нужна гораздо больше, чем свобода, просто она еще этого не понимала. Максим действительно жалел ее; быть избалованной и заточенной было нехорошо для нее. Он не собирался повторять те же ошибки, что и королевская семья. С ним она узнает, что наказание всегда немедленно и соразмерно проступку.

— Прекрати! Прекрати сейчас же!

Как бы отчаянно она ни начинала звучать, она не умоляла его. Она пыталась отдавать ему приказы. С ее светлыми волосами, разметававшимися из стороны в сторону, и ее хоро-

шенькой попкой, приобретавшей все новые оттенки розового, она едва ли выглядела царственно, но в ее тоне слышалась властность, от которой он был полон решимости ее избавить.

Он продолжал шлепать ее, пока у нее не кончились приказы и она не начала издавать жалобные всхлипы. Он не повторил ошибку, которую совершил раньше, и не предположил, что она сдастся просто потому, что ей стало больно.

Поскольку ее безрассудство и решимость становились все очевиднее с каждым часом, он знал, что должен установить доминирование, и быстро. Но как? Обычного прогревания задницы было недостаточно, чтобы исправить годы дисциплинарной запущенности, и уж точно не за несколько дней. Он мог бы пороть ее сильнее, но Савик не просил, чтобы его дочь сломали в процессе возвращения, и Максим был не из тех мужчин, кто способен на такое с любой женщиной, даже с такой бунтарской болью в заднице, как Сабина.

Он посмотрел вниз на ее извивающееся женское тело и заметил, как ее ягодицы и бедра красиво розовеют. Его шлепки теперь попадали все ниже, и даже на внутреннюю сторону бедер, когда она брыкалась и извивалась.

Нежные губки между ее бедер начинали распускаться, источая сладкий росистый аромат, который становился невозможным игнорировать. Он видел, как мягкие влажные внутренние губки начинали выглядывать из-под защиты внешних, жидкое желание размазывалось по его ноге.

Его тело отреагировало так же, как и ее, — его член за-

твердел, прижавшись к ее бедру. Его шлепки становились все интенсивнее в надежде довести ее до точки истинного раскаяния, но все, чего он добивался, — это заставлял ее еще больше брыкаться и метаться, стимулируя ее половые органы и свои одновременно, когда она терлась и елозила по его голому бедру.

Это был ключ, понял он, когда его разум начал затуманиваться от действия желания. Ее нельзя было выпороть до подчинения, но какая-то часть ее сильно проявлялась под его ладонью. Она была такой мокрой, что он видел, как расходятся ее губки, когда она прижимала их к его ноге, а твердый бугорок ее клитора терся о его бедро жадными движениями, пока она стонала и кричала.

Она взвизгнула от удивления, когда Максим столкнул ее со своих колен и поставил на четвереньки, схватив ее за волосы толстой горстью, чтобы контролировать ее голову, пока он высвобождал свой член. Он был твердым как камень, тянулся к ее телу, капельки предсемени покрывали головку его внушительного органа.

— Соси, — потребовал он.

Ее глаза расширились, но не без интереса. Он увидел, как она облизнула губы и посмотрела на его член с любопытным колебанием.

— Тебе не следует этого делать, — прошептала она охрипшим голосом. — Мой отец...

— Его здесь нет, Принцесса, — напомнил он ей, сжимая

пальцы в ее волосах. — Это то, чего ты хотела. Потеряться в мире мужчин. Скажем так, я не отвезу тебя обратно к твоему отцу, в твой удобный замок. Скажем, ты больше никогда не увидишь Эре. Ты здесь в моей милости. У тебя нет денег, нет статуса, кроме как моей фиктивной жены. Ты моя, чтобы делать с тобой, что я пожелаю. И прямо сейчас я хочу, чтобы ты Сосала. Мой. Член.

Он придвинул ее ближе, властным движением вводя свой твердый член ей в рот. Он почувствовал, как она на мгновение напряглась — не против него, а от усилия принять его. Ее губы никогда еще не раскрывались вокруг такого длинного, толстого и твердого предмета, и уж точно она никогда не испытывала мужского органа у себя во рту.

Он смотрел в ее глаза, пока ее губы сжимали его, ее рот плавился вокруг его стержня, ее мягкий язычок облизывал его, пока он двигал своим членом взад-вперед, трахая ее рот.

То, что он делал это с принцессой Эре, было практически государственной изменой, но ей было плевать на этот титул, и теперь ему тоже. Потенциальные последствия его действий были так же далеки от его мыслей, насколько это вообще возможно. Все, что имело значение, — это девушка на коленях, ее горячий рот, обхвативший его член, пока он трахал ее губы, проникая все глубже и глубже с каждым движением, заставляя ее рот растягиваться ради него, как он теперь был уверен, что вскоре растянется и ее киска.

Впервые с момента их встречи он увидел перемену в ее

взгляде — она сдалась, позволив себя удерживать и брать... Возможно, это было все, чего она когда-либо хотела.

Всего этого она и хотела. Всего этого она на самом деле когда-либо нуждалась. Он сжал ее волосы крепче и начал вводить кончик своего члена в ее рот и выводить обратно, погружаясь на дюйм или два снова и снова быстрыми движениями, скользившими по ее языку — а затем резко вонзился глубоко, почти до самого горла, и замер там, Он смотрел на неё с пристальным вниманием, позволяя своим действиям быть красноречивыми.

Он застонал, когда она начала сосать его, ее язык ласкал нижнюю сторону его твердого стержня, а предсемя размазывалось по ее языку. Он был так близко, его яйца покалывало и сжимало, пока он вводил и выводил свой член из этого сладкого, мягкого королевского рта.

Клянусь богами Эре, он не мог выдержать ни мгновения больше.

Максим кончил, его сперма хлынула потоком на ее язык, скользнула в горло и направилась к ее животу. Он вытащил член, и несколько случайных струй покрыли ее губы, отмечая ее рот. Она посмотрела на него, все еще застывшая в его сильной хватке, ее лицо было покрыто его желанием, глаза широко раскрыты от покорного шока. Он сомневался, что она могла поверить в то, что только что с ней произошло. Но он еще не закончил.

— Оближи губы и очисти мой член, — приказал он. — Вот так, хорошая девочка.

Кончик ее языка высунулся изо рта и начал облизывать губы, собирая каждую последнюю каплю его семени внутрь, чтобы проглотить. А затем она принялась ласкать его медленно смягчающийся член, удаляя все следы липкой спермы с его стержня.

— Очень хорошо, Принцесса, — пробормотал он, ослабляя хватку и превращая ее в нежную ласку, проводя кончиками пальцев по ее волосам, ногти легко царапали ее кожу головы. — Видишь, ты умеешь повиноваться.

Впервые с момента их встречи Максим увидел Сабину совершенно лишившейся дара речи. Она осталась стоять на коленях у его ног, пока он не поднял ее и не уложил в постель рядом с собой, укрывая одеялом.

— Ты в порядке, Принцесса?

Она слегка кивнула и прижалась к нему. Что бы она ни чувствовала, она не казалась несчастной.

Максим лежал без сна, пока не услышал, как ее дыхание замедлилось, и не почувствовал, как ее тело расслабилось. Без сомнения, у того, что он только что сделал, будут последствия. Эрейская принцесса должна была оставаться девственной до тех пор, пока не выйдет замуж и не станет королевой Эре. Он уже лишил ее девственности, а теперь взял и второе отверстие. Еще одно — и она будет полностью осквернена в глазах короны.

Он пересек границу. И действительно, она тоже пересекла ее, когда вообще пришла в этот мир. Обычные правила здесь не действовали — но он знал, что когда она вернется в Эре, их на нее снова наложат. Спасая ее в этом мире, он, возможно, уже обрек их обоих в следующем.

Беспокоиться об этом было слишком поздно. Он был измучен, и когда принцесса наконец уснула в его объятиях, Максим позволил себе провалиться в сон на несколько часов.

Он проснулся утром, принцесса все еще лежала под его рукой. Она прижималась к его телу, и на мгновение ему показалось, что она принадлежит ему и только ему. Это было приятное чувство, и он позволил себе насладиться им несколько минут, дремля в постели с красивой молодой женщиной, свернувшейся калачиком рядом с ним.

Это был первый раз за много лет, когда он проснулся с женщиной. Максим не позволял себе сближаться ни с кем из граждан с момента своего прибытия. Они были бы отвлечением от его задачи, которую он воспринимал очень серьезно. Красивые женщины окружали его повсюду, но они были такими же искусственными, как и окружающая их среда. Все в них было фальшивым — от волос до зубов и ногтей. Это был мир миражей, где люди не могли видеть друг друга из-за всех фасадов, возникавших между ними. Сабина казалась утешительно настоящей. Ему нравилось иметь ее в своей постели и в своих объятиях, хотя он знал, что не может оста-

вить ее себе. Или...

С ясностью утра и теплой фигуркой принцессы, свернувшейся рядом с ним, Максим наконец получил возможность по-настоящему обдумать ситуацию. Врата в Эре были закрыты при подозрительных обстоятельствах и сейчас, без сомнения, расследовались с обеих сторон. Король Эре был бы в полном отчаянии, пытаясь снова открыть врата, но единственный способ открыть их был со стороны Максима. Техник, который изначально открыл врата, умер от эрейской лихорадки много лет назад.

Для всех в Эре было бы безопаснее закрыть врата тогда. Их энергетический сигнал всегда было трудно замаскировать, и каждый раз, когда кто-то проходил через них, существовал риск дезинтеграции. Во время своего первого перехода он ступил прямо в груды истлевших костей. Это было неприятно. Он посоветовал королю закрыть врата, но из этого места можно было извлечь слишком много силы, слишком много трюков, инструментов и оружия, чтобы использовать их против ничего не подозревающих граждан бывших независимых королевств Эре.

Король играл в опасную игру, но это то, что делают короли. И принцессы, по-видимому, тоже.

— Нет, — пробормотала Сабина во сне, вздрагивая, когда какое-то сильное видение захватило ее. — Я не выйду за тебя замуж!

Максим нахмурился, подумав, что она говорит о нем.

Неужели она ненавидит его? Он бы понял, если бы это было так. С момента их встречи он только и делал, что трахал и бил ее. У него были на то причины, но она, вероятно, их не понимала. С ее точки зрения, он, скорее всего, был монстром в самом худшем смысле этого слова.

— Нет, Изодор! Оставь меня! Нет!

Максим прищурился. Это имя поднимало понятие чудовищности на совершенно другой уровень.

— Просыпайся, Сабина. — Он мягко потряс ее.

Ее глаза открылись, в ее взгляде все еще отчетливо читался остаточный страх от сна. Она несколько раз моргнула, пытаясь понять, где находится, и когда ее взгляд сфокусировался на лице Максима, она сначала вздрогнула, а затем, узнав его, слегка расслабилась. Ее дыхание все еще было неровным, а сердце, должно быть, колотилось где-то в горле — он видел, как пульсирует жилка на ее шее. Она провела дрожащей рукой по лицу, отбрасывая спутанные светлые волосы, и сглотнула, пытаясь успокоиться.

— Тебе снился кошмар? — спросил он, хотя уже знал ответ. — Ты назвала имя. Изодор.

При упоминании этого имени ее лицо побледнело еще больше, а губы сжались в тонкую линию. Она отвела взгляд, не в силах смотреть ему в глаза, и ее пальцы судорожно вцепились в край одеяла, сжимая ткань так сильно, что побелели костяшки.

— Это ничего не значит, — прошептала она, но в ее го-

лосе не было уверенности. — Просто... сон.

Максим не стал давить. По крайней мере, не сейчас. Но он запомнил это имя и то, с каким ужасом она его произнесла. Изодор. Он где-то уже слышал это имя — возможно, в донесениях разведки, возможно, в разговорах при дворе. Это было имя, которое внушало страх, имя, связанное с темными делами и еще более темными людьми. Если принцесса Эре боялась этого человека настолько, что кричала во сне, значит, за этим стояло нечто большее, чем просто плохой сон.

Но сейчас, в тепле постели, с ее телом, все еще прижимавшимся к нему в поисках защиты, он не стал задавать вопросы. Вместо этого он просто притянул ее ближе, обвинил рукой ее талию и позволил ей чувствовать себя в безопасности, хотя бы на несколько мгновений. Она не сопротивлялась — напротив, она уткнулась лицом в его грудь, вдыхая его запах, и медленно, очень медленно, ее дыхание снова стало ровным.

Максим закрыл глаза, но сон не шел. Он думал об Изодоре, о том, что этот человек мог сделать с принцессой, чтобы вызвать такую реакцию. Он думал о том, что сам только что сделал с ней, и о том, какие последствия это может иметь. Но больше всего он думал о том, что, возможно, теперь, когда они пересекли эту черту, пути назад уже не было. Ни для него, ни для нее.

И, как ни странно, эта мысль не вызывала в нем ни страха, ни сожаления. Только странное, почти запретное чувство облегчения.

Ее глаза сосредоточились на нем, и он увидел ее облегчение так же ясно, как солнечный свет.

«О, слава богам, я думала, что это он...»

«Ты произнесла имя Изодор... ты говорила о генерале Изодоре?»

«Мой отец хочет, чтобы я вышла за него замуж», — подтвердила она, устало потирая глаза покрасневшими веками. — «Наша свадьба, вероятно, назначена на следующую полную луну».

Максим посмотрел на ее хорошенькое лицо, почувствовал, как ее мягкие изгибы прижимаются к нему, и в нем начала подниматься защитная ярость. Сама мысль о том, что такой человек, как Изодор, хотя бы пальцем прикоснется к ее нежной коже, заставила желудок Максима скрутиться от отвращения и гнева.

«Ты хочешь сказать, что король выбрал генерала Изодора своим преемником?»

«Да. Он считает, что только у Изодора хватит силы управлять королевствами».

«И он намерен вскоре отдать тебя ему».

«Вот почему я сбежала», — сказала она, глядя на него снизу вверх уязвимым, почти умоляющим взглядом. — «Я не хочу выходить за него замуж. Я лучше умру, чем проведу с ним хотя бы одну ночь под одной крышей».

Максим не сомневался, что в тот самый момент, когда будут произнесены брачные клятвы, с королем случится

какая-нибудь странная «несчастливая случайность». Изодору нельзя было доверять. Он был опасным, извращенным, большим существом, у которого отсутствовали любые моральные ориентиры. Как ему вообще удалось завоевать расположение короля, оставалось для Максима загадкой. Возможно, старый король был слеп ко всему, кроме демонстрации силы, которую генерал так любил устраивать при каждом удобном случае.

Максим колебался с самого предыдущего вечера, мучимый сомнениями и противоречивыми чувствами. И теперь, получив эту новую информацию, его решение было принято окончательно и бесповоротно. Он не собирался возвращать Сабину в Эре. Он не собирался открывать новый портал. Они оба останутся здесь, построят ту жизнь, какую смогут, и забудут о том, что Эре когда-либо существовало. Эта мысль принесла ему странное облегчение, словно тяжелый груз свалился с плеч.

«Нет, не выйдешь», — пробормотал он себе под нос, скорее утверждая это для себя, чем обращаясь к ней.

«Что?» — переспросила она, не расслышав его тихих слов.

Он посмотрел на нее сверху вниз и дал обещание, которое разрушало клятву, данную им королевству Эре, его государю и всем его жителям. Он понимал, что переступает черту, но отступать было уже поздно, да и не хотелось.

«Ты не вернешься, Принцесса».

«Не вернись?» — Она посмотрела на него подозрительным, изучающим взглядом, пытаясь понять, не шутит ли он. — «Почему ты передумал?»

«Потому что я решил, что ты права. Во многих отношениях».

«Я права?» — Ее удивленный вид был таким искренним и очаровательным, что Максим невольно улыбнулся уголками губ.

«Да. Если я отправлю тебя обратно, ты, без сомнения, вернешься снова, и в следующий раз тебе может не повезти. У твоего отца ограниченные ресурсы в этом мире. Я могу не успеть перехватить тебя вовремя. Тебя могут поймать корпорации. И они могут обнаружить портал и использовать его для вторжения в Эре». Он перечислял причины спокойно и рассудительно, но главная причина все еще оставалась невысказанной.

«...и я могу выйти замуж за Изодора», — сказала она, и в ее умном взгляде мелькнуло понимание. — «Вот что на самом деле изменило твое мнение, правда? Он тебе не нравится, да?»

«Я бы не пожелал и собаке жить с этим человеком», — пророкотал Максим, и в его голосе прозвучала такая неподдельная, первобытная ненависть, что Сабина невольно поежилась.

Она посмотрела на него с огромным облегчением, словно встретила наконец союзника в этом безумном мире. «Ты

первый человек, который, кажется, понимает это. В нем есть что-то, от чего меня тошнит — и дело не только в его шраме. Это что-то в самой его душе. Что-то темное и гнилое».

«О, я хорошо знаю Изодора», — сказал Максим, стараясь не скрипеть зубами и не показывать ярость, поднимавшуюся в его груди при упоминании имени этого монстра. Его челюсти свело от напряжения, а кулаки непроизвольно сжались. — «Я видел его работу. Его почерк. Какой бы непослушной и безрассудной ты ни была, я не отправлю тебя обратно к нему...»

Он сломал бы тебя. Максим не произнес этих слов вслух, но он знал, что они были правдой, чистой и неумолимой, как приговор. Изодор взял бы красоту и дух принцессы и сломал бы и то, и другое. Изодор любил метить своих женщин, по возможности навсегда, оставляя на их коже шрамы, которые напоминали бы о его власти. То, что она была принцессой, не спасло бы ее от этой особой склонности — Максим был в этом абсолютно уверен. Как только ее отец умрет (а он умрет, в этом не стоило сомневаться), она станет всего лишь очередной душой, которую предстоит уничтожить, и Изодор, вероятно, получит особое удовольствие, превращая ее невинность в горечь, ее радость — в страдание, а в конечном итоге и саму ее жизнь — в смерть. Эта мысль заставила кровь застыть в жилах Максима.

«Спасибо тебе», — сказала она, и ее довольный, почти счастливый голос ворвался в его мрачные мысли, разгоняя

темные видения. Он посмотрел на ее улыбающееся лицо и увидел, как наивна она была во всем — не только в отношении опасностей этого мира, но и того мира, из которого она пришла. Она знала, что Изодор ей не нравится, но не знала почему, и он намеревался сделать все возможное, чтобы она никогда не узнала ту жуткую реальность, которая скрывалась за ее интуицией. Пусть эта тьма никогда не коснется ее чистой души.

Он почувствовал сильный инстинкт защитить эту сторону ее личности. Она была редким сокровищем, эта принцесса, — девушка, которая раздавала богатства, потому что они ничего для нее не значили, девушка, которая считала, что незнакомцы на улице могут стать мгновенными друзьями, девушка, которая свернулась калачиком рядом с ним после того, как он лишил ее девственности и вольничал с ее ртом, которая заснула рядом с ним с таким уровнем доверия, который перевешивал все ее бунтарство. Сабина была уникальна в двух мирах, и он не позволит, чтобы ей причинили вред. Он поклялся себе в этом, глядя на ее безмятежное лицо.

«Теперь нам не нужно спорить», — улыбнулась она, лениво потягиваясь рядом с ним, ее тело изогнулось, как у сытой кошки. — «Теперь я могу выйти и увидеть мир!»

«Не так быстро, Принцесса», — сказал он, протягивая руку, чтобы обхватить ее ягодицу, возвращая ее с небес на землю. — «Жизнь здесь, по местным законам, означает кое-что, что тебе не понравится ничуть не больше, чем законы Эре».

«Почему? Что за плохие новости на этот раз?» — Она нахмурилась, и ее радостное настроение начало улетучиваться, сменяясь тревожным ожиданием.

Максим не объяснил всех последствий ее положения накануне. Она и так была слишком подавлена всем происходящим, к тому же он намеревался как можно быстрее вывезти ее с территории и вернуть в Эре. Теперь этот вариант больше не рассматривался, и Сабине предстояло осознать, что, как и всё в этом мире, жизнь на территории Сентиллиона была обоюдоострым мечом. У каждой свободы была своя цена, и теперь пришло время заплатить.

«Ты моя питомица. Я говорил тебе об этом вчера».

«Ты говорил...» — Она зазвучала более чем немного нервно, ее голос стал выше на октаву.

«Я не совсем объяснил, что это значит. Сентиллион — это территория с очень специфическим набором социальных обычаев. Здесь ты не свободная женщина и не равноправная гражданка. Ты — женщина, находящаяся в собственности. Это означает, что у меня есть дополнительные обязанности по отношению к тебе, и для тебя существует множество ограничений, которые ты должна соблюдать. Например, тебе не разрешается выходить без меня. Если тебя найдут без меня, тебя вернут мне, на меня наложат штраф, а тебя накажут». Он говорил спокойно и твердо, давая ей время переварить информацию.

«Это несправедливо», — надула она губки в капризной

гримасе, но в ее глазах уже загорелся знакомый огонек непокорства.

«Это несправедливо», — согласился он, и в его голосе не было и тени издевки, только усталая констатация факта. — «В обстоятельствах твоей жизни никогда не было ничего справедливого, Сабина. Это не изменится только потому, что ты нашла другой мир. Ты родилась в богатстве и привилегиях, и я осмелюсь сказать, что первые два десятилетия своей жизни тебе не на что было жаловаться. А потом пришло время платить цену за эти привилегии, и ты поняла, насколько высока эта цена будет на самом деле. Замужество с чудовищем. Поэтому ты сбежала сюда, и теперь есть другая цена, которую нужно заплатить. Цена здесь в том, что ты моя, и тебя будут дрессировать, чтобы ты вела себя подобающим образом для этого мира». Он сделал паузу, давая ей возможность осознать всю глубину его слов.

«А какую цену платишь ты?» — спросила она, и в ее голосе прозвучало искреннее любопытство, смешанное с вызовом.

«Судя по твоему поведению, Принцесса? Я подозреваю, что моим счетам будет нанесен серьезный ущерб. От питомиц ожидают хорошего поведения и полной выучки. За каждое нарушение предусмотрены штрафы — таков путь Сентиллиона, поощряющий мужчин быть ответственными владельцами». Он слегка сжал ее ягодицу, подчеркивая свои слова, и Сабина вздрогнула, но не отвела взгляда. Она смот-

рела на него с вызовом, но в глубине ее глаз уже зарождалось сомнение — неужели она променяла одного тигра на другого?

глава 6

Его питомица. Она посмотрела в его красивое, благородное лицо и попыталась скрыть легкое возбуждение, пробежавшее по ее бедрам, когда она услышала этот термин. Когда он говорил о том, что владеет ею, она вспомнила, каково это было — чувствовать его член у себя во рту, скользящим взад-вперед по ее языку. Он просто взял ее там, не спрашивая разрешения, просто небрежно и полностью подчинив себе ее рот, а до этого... ее девственность не стала для него преградой. Если она правильно поняла, что он говорит, это будет повторяться снова и снова, и...

— Первое правило моей питомицы, — сказал он, не сводя с нее глаз, — заключается в том, что ты всегда и везде доступен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.